

ИСТОРИЯ ИСТОРИКА

Л.В. Шарова

ИСТОРИК СРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ: КОМПРОМИССЫ АКАДЕМИКА Е.А. КОСМИНСКОГО

Рубеж столетий - провокационная дата. Как всякий хронологический рубеж, она вызывает желание оценить прошедшее, сбывшееся в жизни, истории страны, науки. Такая дата - хороший повод дистанцироваться от прошлого, максимально непредвзято взглянуть на минувшую эпоху и ее творцов, тем более что стремительно убегающие годы, отодвигающие в "далекое" прошлое события и актуальность, казалось бы, еще "недавней" истории, усложняют понимание если не сути самих событий, то мотивации человеческих поступков, специфики их поведенческих стереотипов, их видения современных им явлений. Другими словами, живые свидетели событий уходят, но мемуары - в нашем случае историков - отнюдь не утрачивают своей ценности в качестве источников.

Отечественной наукой пройден период не только отрицания советского прошлого, но и сделаны серьезные попытки объективно его оценить. Такая же тенденция характерна и для историографических работ¹. Закономерно желание историков заострить внимание на том позитивном, что было сделано в этот период в отечественной историографии, в частности медиевистике. Другое дело, что кажущиеся сейчас иногда весьма скромными позитивные результаты нередко достигались ценой компромиссов с властью, а нередко и с собственной совестью, подчиняясь идеологическим догмам. Итог подобного раздвоения даже для сильного и порядочного человека оказывался печален - искусственная маска приставала навечно, а окружающие принимали ее за истинную суть ученого; возможностей сбросить маску со временем становилось все меньше и меньше. Маскарадность и трагифарс послевоенной эпохи отмечали многие ее свидетели и исследователи². В данной статье сделана попытка понять, как уступки и компромиссы, на которые иногда сознательно, иногда под давлением обстоятельств или страха шел академик Е.А. Косминский (1886-1959), отражались на его творчестве и на отечественной медиевистике в целом.

Возрождению интереса к неординарной личности Евгения Алексеевича Косминского, признанного классика аграрной истории средневековья и подзабытого вместе с самой аграрной историей, несомненно, способствовали недавние публикации воспоминаний Е.В. Гутновой и его писем к ней³. Моя цель - добавить штрихи к образу этого выдающегося медиевиста, чья судьба в полной мере отразила перипетии истории отечественной науки в XX в. Основным источником для меня послужили протоколы и стенограммы заседаний сектора Истории средних веков и Ученого совета Института истории АН СССР, общих собраний его сотрудников.

Факт огосударствления науки, равно как факт тотального партийно-идеологического контроля над обществом и особенно над интеллигенцией в 40-50-е годы XX в. давно не нуждаются в доказательствах. Но проследить за тем, как люди на собственном опыте день за днем познавали узость границ разрешенной свободы на примере конкретного человека, значит, в какой-то мере выявить истоки кризиса, в котором находилась отечественная медиевистика в недавнем прошлом.

Акцент на печальных страницах истории отечественной исторической науки, на негативе в творчестве даже выдающихся исследователей ничуть не умаляет их заслуг⁴. Пожалуй, наоборот, такой взгляд позволяет по-новому оценить достигнутое ими - несмотря ни на что. Оговорюсь сразу: при всех уступках и компромиссах, целью Е.А. Косминского была защита медиевистики, коллег, периодических изданий медиевистов и византинистов, наконец, своих научных выводов. Он никогда не участвовал ни в каких погромных кампаниях, а в самых критических ситуациях нередко брал вину на себя.

20-30-е годы - время отрицания традиций и принципов российской науки и высшей школы, а затем формирования науки советской - для медиевистов внешне прошли достаточно спокойно на общем фоне трагической судьбы отечественной интеллигенции. Медиевистика, как это случилось с византиноведением в 1919 г., не была запрещена, медиевисты почти избежали эмиграции и дел наподобие "дела академика С.Ф. Платонова" и т.д. Даже пресловутая "революция рабов", потрясая специалистов по античной истории, не нанесла серьезного урона медиевистам. Причина такой защищенности истории западноевропейского средневековья (но отнюдь не русского) заключалась в удаленности во времени и пространстве событий средневековой Западной Европы от революционной России XX в., в аполитичности самих медиевистов⁵, в их очень специфической квалификации, а главное - в неразработанности проблем истории западноевропейского средневековья основоположниками марксизма. Последнее обстоятельство довольно успешно помогало защищать Медиевистику от вульгаризации.

И все же потери были весьма ощутимы: медиевистика оказалась обезглавленной, лишившись по разным причинам старшего поколения исследователей, кто ее фактически олицетворял - Л.П. Карсавин, Р.Ю. Виппер, учитель Е.А. Косминского Д.М. Петрушевский, А.Н. Савин, Н.И. Кареев, И.М. Гревс. Отсутствие полноценного преподавания всеобщей истории в школах и вузах, а затем полное закрытие исторических отделений даже факультетов общественных наук лишали историков не только возможности работать по специальности, но и потенциальных учеников, делая трагически глубоким разрыв между поколениями исследователей. Позднее Е.А. Косминский вспоминал: "...нам серьезно приходилось думать о том, что, когда наступит момент и мы сойдем со сцены, нам некого будет оставить после себя"⁶. Старшее поколение медиевистов,⁷ насильно отрешенное от преподавания, а в итоге от научной жизни, почти не имело возможности публиковать свои труды. Для медиевистов, как и для всех специалистов по зарубежной истории, самоизоляция советского государства, а значит, недоступность иностранных архивов и библиотек была своего рода трагедией, лишавшей надежды завершить начатые труды.

В конце 20-х годов медиевисты столкнулись с новым для них типом "научной" дискуссии, когда оппоненты прежде всего признавались в том, что они не специалисты по данному вопросу, а затем разоблачали "истинную политическую сущность" критикуемого коллеги⁹. Другим новшеством стал язык рецензий и обсуждений - язык "большевистской критики", которая не гнушалась оскорбительных эпитетов¹⁰ в адрес критикуемого коллеги или тех, кого власть сочла врагом. В то же время прежний язык научного общения был объявлен академическим предрассудком. Глава общества историков-марксистов М.Н. Покровский, выступая на юбилее Института красной профессуры, заявил: "Специалисты выдумали себе такой язык, что сразу действительно не поймешь... По какой причине Ленин мог излагать совершенно ясно всякие экономические сюжеты, Сталин может излагать совершенно ясно, так что нельзя не понять, а почему этого не могут делать ученые специалисты?.. Это неспроста. Бойтесь людей, которые говорят непонятным языком"¹¹.

30-е годы известны не только валом политических репрессий, который мог подмять любого, но и всеобщим, обыденным, а потому внешне мало заметным страхом. В то же время с 1934 г. было восстановлено преподавание истории в школах и вузах, что историки восприняли с большим энтузиазмом. История понадобилась для политики, поскольку "новое поколение не знало эксплуатации, не испытало на собственном опыте экономического и политического гнета и не могло гореть такой активной ненавистью к капитализму, какую знали старшие поколения. Эту ненависть должна [была] вое-

питать система просвещения и пропаганды"¹². Первое место в этой системе отводилось истории. Медиевисты не сразу поняли, что классовая борьба отныне должна стать главным содержанием истории средних веков, а протесты против подобного упрощения даже таких специалистов, как Е.А. Косминский, - бесполезны¹³. Формационная схема была задана, равно как схема трактовки феодализма, феодальной ренты и т.д. На усмотрение специалистов оставили детали. Здесь, в этих деталях, но не в общей трактовке, у них некоторое время было поле для маневра. Это поле начало стремительно сужаться в конце 40-х годов, когда нашлись соответствующие специалисты, чтобы взять под контроль и детали.

В середине 30-х годов средневековая эпоха поменяла свои хронологические очертания. В соответствии с замечаниями Сталина, Кирова и Жданова на конспект учебника по новой истории (1934), границы европейского средневековья существенно расширились. "Революционные конфликты" XVII в. в Англии и Нидерландах должны были замыкать феодальную общественно-экономическую формацию, тогда как отсчет новой истории следовало начинать с Великой французской революции. Объяснение этому феномену было дано самое что ни на есть "научное": "Вследствие того, что новая история, самая богатая содержанием, перенасыщена событиями, а также ввиду того, что самое главное в новой истории буржуазных стран... - это победа французской революции и утверждение капитализма в Европе и Америке, - считаем, что было бы лучше, если бы учебник новой истории открывался главой о французской революции, отнеся подробное изложение событий английской и нидерландской революций к концу учебника средней истории"¹⁴. "Обогащение" средневековья произошло: от структуры учебника новая хронология трансформировалась в марксистскую периодизацию, рамки которой были окончательно определены. Таким образом, к середине 30-х годов для медиевистов старой школы и их учеников, вписавшихся в социалистическую действительность, изменились не только содержание их науки, ее хронологические рамки и трактовки основных положений и понятий, но и сама "историческая действительность" (западноевропейское средневековье).

На протяжении предвоенного периода были выработаны основные требования к работе историков. На них распространялись плановость и коллективизм, научная работа ставилась под жесткий идейно-организационный контроль, а ее тематика актуализировалась таким образом, чтобы изучение прошлого способствовало "выполнению задач современной борьбы пролетариата". Вместе с тем в обществе был окончательно сформирован тот образ "чужого", несоветского ученого, который со временем пополнялся все новыми профессиональными характеристиками (идеалисты и механицисты -

для философов, академисты и объективисты - для историков, вейсманисты-морганисты - для биологов и т.д.)¹⁵.

Ко времени окончания Великой Отечественной войны творческая судьба Евгения Алексеевича Косминского складывалась в целом весьма успешно. Ученик А.Н. Савина и Д.М. Петрушевского, он был признанным авторитетом, особенно в аграрной истории средневековой Англии, о его трудах благосклонно отзывались английские коллеги. Он возглавлял кабинет истории Англии в Институте Маркса-Энгельса-Ленина. В 1928 г. Е.А. Косминский участвовал в работе Международного конгресса историков в Осло; с 1934 г. заведовал кафедрой Истории средних веков в МГУ. После выхода в свет фундаментальной работы "Английская деревня в XIII веке" (М., 1935) ему была присуждена степень доктора исторических наук. В 1939 г. был избран член-корреспондентом Академии наук, а в 1945 г. - действительным членом Академии педагогических наук. Е.А. Косминский был автором школьных и вузовских учебников по истории средних веков, с 1942 г. - ответственным редактором ежегодника "Средние века", а затем и "Византийского временника". В 1946 г. он стал действительным членом АН СССР и в 1947 г. возглавил сектор Истории средних веков в Институте истории АН. Оказавшись во второй половине 40-х годов фактически во главе советской медиевистики, ученый испытал на себе идеологический диктат послевоенного времени, вынужденный идти на компромиссы в той области, где ранее бесстрашно и отчаянно отстаивал свою правоту и право на объективное исследование.

В первый же послевоенный год стало ясно, что недавним иллюзиям о заслуженных народом свободах и возможности мирного сотрудничества с Западом, распространенным во всех слоях общества, будет положен конец. Предстояло распрощаться с ними и медиевистам, которым казалось, что самоизоляция страны от внешнего мира, а следовательно, их оторванность от мировой науки наконец изжиты. Надежду на восстановление научных контактов с зарубежными коллегами в полном объеме вселила юбилейная сессия Академии наук 1945 г., приезд английских ученых в Институт истории и проекты написания совместных коллективных трудов, в частности по истории Английской революции. Патриотический подъем военного времени, официальная реабилитация дореволюционной истории России придавали медиевистам уверенности в том, что восстановление доброго имени их учителей и объективная оценка их вклада в науку вполне реальны.

По решению дирекции Института истории и с одобрения партийного руководства сектор Истории средних веков начал готовить к печати сборник "Средние века", посвященный памяти Д.М. Петрушевского. То, что после оголтелой критики 1928 г. ученым была

предоставлена возможность объективно оценить творчество великого медиевиста, лишь усилило иллюзию свободы. На сессии Отделения истории и философии АН в декабре 1943 г. прозвучали доклады, посвященные памяти другого крупнейшего медиевиста, А.Н. Савина. Постепенно выходило "из подполья" византиноведение, ставшее актуальным в атмосфере создания фронта всех славянских народов для борьбы с фашизмом, а следовательно, необходимым при изучении историй славян. Логично, что одну из первоочередных задач византинисты видели в восстановлении традиций российского византиноведения и изучении его наследия. Положительная характеристика дореволюционного византиноведения, в частности творчества Ф.И. Успенского, признание необходимости дальнейшего изучения истории Византии в купе с русской историей, прозвучавшие в перспективном плане развития науки, который Академия наук предложила для обсуждения сообществу историков, - также важный штрих к картине надежд и планов ученых в первые послевоенные годы¹⁶.

К октябрю 1945 г. Е.А. Косминский закончил новую книгу "Исследования по аграрной истории Англии XIII века" и уже планировал к 1950 г. написать другую - наименее изученную к тому времени социальную и аграрную историю Англии до нового времени, т.е. до XVI в. (!), включив в нее главу о восстании Джека Кэда и войнах Алой и Белой Розы. Кроме того, он надеялся посвятить английской истории XV в. отдельную монографию, в которой проблемы социально-экономических трансформаций были бы тесным образом связаны с политическими, с войнами Алой и Белой Розы, с формированием и спецификой английского абсолютизма. Проблемы социальной истории все более увлекали Е.А. Косминского, который в своей работе привык руководствоваться скрупулезными статистическими подсчетами, а не абстрактно-теоретическими схемами. Планировавшиеся труды представляли собой оригинальные исследования, основанные на английских источниках, и требовали много сил.

Между тем требования к работе историков, тщательно разработанные партийными органами в конце 30-х годов, в послевоенное время начинали реализовываться. Поначалу они нередко воплощались лишь в планкартах, составившихся сотрудниками Института истории для дирекции и партийного комитета. Грядущее написание глобальных коллективных монографий было призвано своими масштабами не только "превзойти" зарубежные исследования, но и увековечить "правильную", с точки зрения марксизма-ленинизма, трактовку исторического процесса.

В эйфории ожидаемых свобод медиевисты в 1946 г. не заметили, вероятно, в перспективном плане Института истории напоминания о том, что оказывается "многие проблемы (например, по аграрной и

промышленной истории Англии и Франции), освещавшиеся буржуазной наукой в предвоенные годы, потому только и выдвигались с такой настойчивостью, что разрешение их, как думали буржуазные ученые, наносило сокрушительные удары по тем или иным позициям марксистов. В новой исторической обстановке, в связи с фактом усиления международной роли СССР, в мировой исторической науке будут, может быть еще сильнее, чем раньше, развиваться всякого рода антимарксистские течения и школы"¹⁷.

Вряд ли историки обратили внимание и на "шутку" Сталина в речи перед избирателями 9 февраля 1946 г., содержавшую намек на грядущие перемены: "Победителей можно и нужно судить, можно и нужно критиковать и проверять. Это полезно не только для дела, но и для самих победителей"¹⁸. И хотя эти слова были адресованы самой партии, вызвав смех и оживление в зале, но истинный смысл или "предсказание", в них заложенное, оказалось гораздо масштабнее и страшнее. Идея, согласно которой по мере продвижения к коммунизму классовая борьба должна нарастать, начинала реализовываться... Конец войны не означал наступления мира - таков был основной тезис речи вождя. Для ученых это означало борьбу "со всякими извращениями в области теории, с враждебной марксизму идеологией"¹⁹. Новая полоса исторического развития отменяла устаревшие трактовки союзников, а с весны 1946 г. перечисление на страницах периодической печати "врагов" вынуждало вспоминать самые мрачные дни "большого террора".

План 1947 г. сектора Истории средних веков предусматривал написание объемного труда (40 а.л.) по аграрной истории Англии с древнейших времен до начала XX в. (первую его часть должен был подготовить Е.А. Косминский, вторую - В.М. Лавровский). В "партийной резолюции" по поводу этого грандиозного замысла говорилось, что труд этот должен окончательно завершить "цикл работ российских медиевистов по истории Англии"²⁰. Стоит ли удивляться, если книга с подобной - "окончательной" - трактовкой не состоялась? Схематизм был органически чужд Е.А. Косминскому, равно как "политически правильные" трактовки научных проблем. Итоговые, обобщающие исследования по широким проблемам писать в то время было опасно и для историков, и для самой науки. Правда, план позволил ученым еще раз напомнить партийным контролерам о том, что он может быть реализован только в том случае, если они получат доступ к зарубежным архивам и новейшим работам иностранных коллег.

В апреле 1947 г., после выхода в свет "Исследований по аграрной истории Англии XIII века", Е.А. Косминский записал: «Вчера впервые отчетливо выдвинулся план работы, которая должна завершить мою "ученую" жизнь - аграрная история Англии до XVI века.

Та история XV века, которая стоит в моем плане, - новая и сомнительная тема, совершенно неясно, удастся ли ее разработать. Поздно пускаться в это неизведанное плавание, и нет уже свежих сил, необходимых для массовой черновой работы. Но пройти еще раз и расширить пройденный путь, привести в систему и поставить на свое место все, что удалось разворотить, - эта работа по мне, и никто в мире не сумеет ее сделать лучше меня. Здесь не существенно даже то преимущество, которое имеет передо мной всякий англичанин при работе над специальными архивными материалами. К тому же и это стоит в моем плане. И так, за работу, за последнюю, завершающую работу моей жизни»²¹.

Кроме усиления классово-борьбы, перед народом была поставлена задача догнать и перегнать капиталистические страны, в том числе в области науки. Для историков это означало разработку новой проблематики и, как уже говорилось, написание масштабных, не имеющих аналогов в мировой историографии трудов. Предостережение медиевистов старшего поколения, адресованное более молодым коллегам, - не гнаться за политической конъюнктурой, а думать прежде всего о научной актуальности исследований уже не могло остановить рвения представителей нового поколения партийных историков. Они мечтали от том, что их далекая от современности история тоже станет боевой, партийной и актуальной, интересной не только узкому кругу специалистов. Именно поэтому, например Н.А. Сидорова, настаивала на том, чтобы пятилетний план работы Института истории был директивным²², а не констатирующим научные предпочтения исследователей²².

Собственно, попытки связать проблемы средневековой истории с "текущим политическим моментом" предпринимались и ранее, но до поры медиевистам удавалось избегать подобной вульгаризации. Так, в 1939 г., когда писались тома "Всемирной истории", ученым было предложено провести дискуссию по проблемам абсолютизма и его специфики. З.В. Мосина убеждала руководство сектора сделать это как можно быстрее - по причине политической актуальности проблемы. "Теперь такой большой интерес к Польше, которую бьют на наших глазах, что своевременно показать, как складывалось это государство, какой злостный характер имело оно в XVI веке, - настаивала она. - Нужно по-боевому развернуть это дело, распределить задачи... Тем более, что просто обидно: историки СССР уже вышли на общественную арену, у них были диспуты в Институте с привлечением широкой общественности". "Ох, были!" - вздохнул понимающе А.Д. Удальцов²³. Антипольская направленность советской пропаганды не прошла даром даже для историков.

Дискуссия по проблемам абсолютизма немного позже, весной 1940 г., все-таки состоялась - в связи с обсуждением университетско-

го учебника по истории средних веков и готовившейся многотомной "Всемирной истории". Когда медиевистов подвергли критике за то, что у них нет точной периодизации абсолютизма и, следовательно, четких границ между сословной и абсолютной монархией, Е.А. Косминский посвятил свое выступление специфике английского абсолютизма, не позволив тем самым ввести новую шкалу формальных границ и единых периодизаций. В ходе дискуссии медиевистам удалось осторожно и тактично не согласиться со сталинским тезисом о "революции крепостных", которая по типу античной "революции рабов" подготовила крушение средневекового общества. В целом обсуждение прошло плодотворно для медиевистов, в непривычном для конца 30-х годов мирном русле, почти без навешивания политических ярлыков. Четкой схемы периодизации абсолютизма для Западной Европы так и не было выработано, что позволяло медиевистам с достаточной свободой оперировать данными источников и учитывать реалии прошлого²⁴.

Тогда же, в 1940 г. Е.А. Косминский, выступая с докладом, посвященным Английской буржуазной революции, на заседании Отделения истории и философии АН СССР, затронул вопрос о грани между средними веками и новым временем. Рамки партийной периодизации истории не могли его не сковывать, и он попытался доказать, что Английская революция - это событие уже новой истории, началом которой для Англии следует считать эпоху Тюдоров, т.е. XVI век²⁵. Эта попытка ученого избавиться от вульгарной периодизации хотя бы область своих профессиональных интересов - Англию (что было крайне необходимо ввиду подготовки сборника к 300-летию революции) заслуживает самой высокой оценки. Чтобы выступить против партийной догмы, требовалось большое мужество.

Мужество потребовалось академику Е.А. Косминскому и в первые послевоенные годы, когда идеологический контроль достиг своего апогея и стал всеобъемлющим. Постановления ЦК ВКП(б) 1947 г. восстановили обязательное как для коммунистов, так и для всех беспартийных, включая детей, усиленное идейно-политическое воспитание. Было создано Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний, почетным членом которого по традиции стал "великий вождь и корифей марксистско-ленинской науки" И. Сталин, а одним из коллективных членов - Академия наук. Пропагандистская деятельность этого общества должна была быть "политически заострена, наступательна против чуждой идеологии, против пережитков капитализма и худшего из них - преклонения перед растрепанной буржуазной культурой Запада"²⁶. Вся страна в обязательном порядке изучала и обсуждала выходявшие из печати тома Собрания сочинений Сталина. Историки не были здесь исключением. На заседании сектора Истории средних веков 27 дека-

бря 1946 г. после доклада Е.А. Косминского о кризисе феодализма в Англии XIУ-ХУ вв. обсуждался первый том сочинений Сталина. В 1947 г. изучению соответствующих томов были посвящены три теоретические конференции. Из шести научных докладов, заслушанных на заседаниях Ученого совета Института истории в том же году, два были посвящены работам вождя²⁷. За 1948-1949 гг. марксистско-ленинской учебой был охвачен весь коллектив, за исключением восьми самых пожилых академиков. Большинство сотрудников самостоятельно изучали марксистско-ленинскую теорию. Проверкой знаний служили теоретические конференции. Не обходилось и без специальных докладов и лекций по марксизму-ленинизму, например, "25 лет без Ленина по ленинскому пути под руководством Сталина" или "Международный женский день"²⁸.

Являясь автором школьных учебников по истории средних веков и членом Академии педагогических наук, Е.А. Косминский был вынужден внести свою лепту в освещение проблемы идейно-политического воспитания в школе. Его статья на эту тему - пример того двойственного положения, в котором он находился. С одной стороны, он прекрасно осознавал, каким вульгарным предстоит стать новому изданию учебника, а с другой - имея собственное представление о целях исторического образования, не мог его обнаружить. После набора обязательных штампов по поводу борьбы с буржуазным окружением Е.А. Косминский написал: "Школа должна воспитывать истинных патриотов своей родины, которые будут опорой *священных идеалов свободы и демократии*" (курсив мой. - Л.Ш.у) В курсе средней истории предстояло реализоваться тенденциям, против которых он так настойчиво возражал в 30-е годы, но теперь, вынужденный уступить, констатировал, что "тема классовой борьбы должна быть основной темой в преподавании истории средних веков, как и любого другого периода истории классовых обществ", а значит, "не столько Великая хартия вольностей, не столько парламент, сколько восстание Уота Тайлера, Джека Кэда, движения левеллеров и диггеров являются для нас основными моментами английской истории"²⁹.

На октябрьском 1947 г. заседании сектора Истории средних веков медиевисты, отмечая юбилей Октябрьской революции, подводили итоги своей работы за 30 лет. Вполне логично даже в ходе "юбилейного" обсуждения медиевистики в России встал вопрос о ее дореволюционном наследии. Вообще проблема оценки дореволюционной медиевистики и византиноведения, а также зарубежной историографии станут камнем преткновения в ходе многочисленных дискуссий и поводом для всяческих ярлыков и обвинений. Пока же Е.А. Косминскому удавалось сдерживать критические порывы своих коллег и стремление некоторых из них (В.М. Лавровский) отне-

сти начало кризиса "буржуазной исторической науки" к 1848 г. Что же сам он подразумевал под этим кризисом, произнеся в своем докладе положенные и обязательные фразы? Стенограмма заседания бесстрастно зафиксировала его точку зрения: "Говоря о кризисе надо считать, что он наступил позже. Ведь экономическая история (Виноградов, Савин, Петрушевский) не является показателем кризиса, а существует буржуазная либеральная наука второй половины XIX века. Я говорю о кризисе буржуазной науки, оттеняя этим всемирно-историческое значение нашей (советской. - *Л.Ш.*) науки". Ученик Д.М. Петрушевского слова о кризисе исторической науки в меньшей степени адресовал отечественной медиевистике. Эту свою позицию, пиетет к учителям и уважительное отношение к творчеству предшественников, Е.А. Косминский отстаивал пока хватало сил и пока он видел смысл это делать. Справедливости ради заметим, что сразу после такого смелого заявления ученый не преминул вспомнить об обязательном и главном к тому времени враге - англо-американском империализме и заявить, что "нужно заняться американской католической историографией, от которой несет трупным ядом". С этим дружно согласились все сотрудники сектора³⁰.

Вопрос об отношении к научному наследию возник не случайно. В течение всего 1947 г., особенно после так называемой "философской дискуссии" по книге Г.Ф. Александра "История западноевропейской философии"³¹, атмосфера критики и самокритики в обществе все более накалялась. Советская наука, чтобы соответствовать величию новой задачи, поставленной перед советским народом - строительства коммунистического общества, должна была окончательно избавиться от всего буржуазного, "старого", иностранного, утвердить свою особость и наивысшую степень собственной прогрессивности. Прежде всего этого требовали от творцов общественных наук, в частности от историков-медиевистов.

Именно в вопросе о научном наследии медиевисты оказались особенно уязвимы. Критика буржуазной исторической науки настоятельно ставилась на повестку дня, а ее отсутствие послужило причиной того, что в 1947 г. работа сектора Истории средних веков, который возглавлял Е.А. Косминский, была признана "недостаточно боевой", так же как и доклады, прочитанные на его заседаниях. "Конкретно-историческое направление" трудов специалистов по истории западноевропейского средневековья было для них в конце 40-х годов отрицательной характеристикой. Медиевисты не сумели вовремя "занять свое место на фронте идеологической борьбы с остревенело наступающей реакционной идеологией капитализма, перейти в наступление против реакционной буржуазной исторической науки, стремящейся затушевать и скрыть действие исторических законов и извратить историческую действительность"³².

Серьезным недостатком и даже политической ошибкой в работе сектора были к концу того же года признаны выпуски "Средних веков" (1946. Т. 2) и "Византийского временника" (1947. Т. 1), ответственным редактором которых был Евгений Алексеевич. Оба издания, как уже говорилось, были посвящены памяти крупнейших историков - медиевиста Д.М. Петрушевского и византиниста Ф.И. Успенского и содержали статьи их учеников и коллег, в которых высоко оценивались их научные заслуги. При этом авторы упустили из виду "буржуазность" этих историков, проигнорировав тем самым требуемую партийность исторической науки. Вина за "недобросовестные" в политическом отношении издания в первую очередь возлагалась на ответственного редактора, заведующего сектором и кафедрой Истории средних веков в МГУ и руководителя групп по истории Византии и Англии. Таким образом, с одной стороны, ранее политически благонадежный гражданин и авторитетный организатор науки, академик Е.А. Косминский оказывался главным виновником произошедших "уступок буржуазной идеологии". С другой - оставался главным защитником для своих коллег, периодических изданий, которые они впервые за десятилетия получили, и, как ни высокопарно это прозвучит, медиевистики и византиноведения в целом.

За идеализм и политическую наивность военного времени приходилось расплачиваться. Перед ученым стояла неблагодарная задача - доказать властям всех уровней, от ЦК до парторганизации Института истории, как собственную политическую благонадежность, так и лояльность медиевистов, а кроме того, актуальность исследований по истории средних веков. Отметим, что на уровне института это было сделать едва ли не сложнее, поскольку атмосфера бдительности и развернувшаяся по всей стране борьба с "буржуазным наследием и низкопоклонством" развращала людей, делая из них добросовестных доносчиков и критиков, опасных для окружающих.

Что же выдавало "неблагонадежность" медиевистов и византинистов? Авторы сборника "Средние века", в основном ученики Д.М. Петрушевского по университету или Институту истории РАН ИОН (Е.А. Косминский, А.И. Неусыхин, В.М. Лавровский и др.), оценивали творчество учителя с точки зрения его значения для медиевистики, антиковедения, даже русской истории, называли его советским историком, предав забвению ту уничижительную партийную критику, которой он был подвергнут в конце 20-х годов. Именно поэтому авторов сборника обвинили в "аполитичности" и "объективизме". Эти ярлыки фактически исключали их из числа "своих", поскольку они отказывались видеть в науке "оружие" борьбы и в угоду этой борьбе фальсифицировать результаты своих изысканий. Они еще не научились считать советскую науку с ее марксистско-ле-

нинской методологией единственно ""подлинной", что с точки зрения власти, разумеется, было недопустимо.

Идеализм византинистов еще более впечатляет. Вдохновленные возрождением интереса к истории Византии, официальным разрешением и одобрением византиноведения, сессиями Отделения истории АН СССР, посвященных византийским сюжетам³³, они в редакционной статье смело констатировали конец периода забвения. В сборнике, увидевшем свет в год 20-летия Октября, об этом событии говорилось: "После Великой Октябрьской социалистической революции в развитии византиноведения наступил некоторый перерыв". Еще более могли насторожить бдительных критиков планы византинистов, составленные со ссылкой на замыслы Ф.И. Успенского, и открыто заявленное желание своими трудами "продолжать лучшие традиции русского дореволюционного византиноведения". Особенно политически опасны, с точки зрения ситуации 1947 г., выглядело намерение редколлегии знакомить читателей с работами зарубежных византинистов, научное общение с которыми стало возможным после окончания войны. И наконец, их стремление вновь завоевать советскому византиноведению "почетное место в мировой науке"³⁴ демонстрировало высокую степень академизма издания, его отстраненность от всякой идеологической борьбы. Именно эта короткая, всего на шесть страниц, статья-преамбула дала повод для критики всего издания, поскольку положения, в ней декларированные, были отражены как в статьях сборника, так и в разделе библиографии.

Сборник был подвергнут критике тотчас после его выхода в свет. В октябре 1947 г. группа по истории Византии оперативно провела требуемое "обсуждение". Прежде всего специалистам по средневековью было инкриминировано непонимание различия между советской и буржуазной исторической наукой! Отвечая критикам, руководитель группы и ответственный редактор сборника Е.А. Косминский, давший ему высокую оценку, не преминул констатировать, что труд этот продолжает лучшие традиции дореволюционного византиноведения, и несколько раз повторил, что это лишь первый опыт, - издание готовилось в 1944-1945 гг., когда "возродившееся византиноведение делало первые шаги". "Мы оказались слишком робки, - так деликатно и осторожно академик объяснил, почему редколлегия забыла подчеркнуть значимость нового марксистско-ленинского византиноведения. - Надо было помнить, что мы носители единственной подлинной научной методологии". Пока ощущение своей инаковости, исключительности в мировой исторической науке не стало органичной частью мировоззрения медиевистов, помнить об этом постоянно было невозможно.

Очевидно, что Е.А. Косминский стремился в первую очередь защитить сборник от критиков; в это время уже готовился к печати

следующий выпуск "Византийского временника". Византинисты были вынуждены признать, что их главной ошибкой были "иллюзии 1945 года о международном византинизме. Теперь эти иллюзии в мировой науке изжиты. Теперь понятие мировой науки иное - это наука прогрессивная".

В выступлении ответственного редактора постоянно звучало слово "надо" - свидетельство тотального контроля над работой историков: "Теперь мы знаем, что *надо* делать"; "*надо* было подчеркнуть", "*надо* было помнить", "*надо* показать, что мы не только знакомы с иностранной литературой, но и относимся к ней критически". И главное: "марксистско-ленинская критика буржуазного византиноведения - наша очередная задача, и мы *не хотим* от нее *улониться*" (курсив мой. -Л.Ш.).

Великолепный источниковед, некогда мечтавший продолжить изучение вспомогательных исторических дисциплин в Школе Хартий, Е.А. Косминский учил при работе с источниками иметь в виду «не только текст, но и "подтекст" - то, что автор не мог сказать, но подразумевал, и что было понятно его аудитории. Расшифровка этого "подтекста" особенно важна для правильного использования материала»³⁵. Умение читать между строк как официальные документы, так и научные труды, зашифровывать "опасный" подтекст, делая его понятным исключительно посвященным, стали необходимыми навыками для специалистов по истории западноевропейского средневековья.

Однако в оценке сборника мнения членов группы по истории Византии разделились. Часть историков, особенно Е.А. Косминский, А.П. Каждан и Н.В. Пигулевская, защищали злополучный сборник, другие - А.Б. Ранович, С.М. Розеннер, З.В. Мосина - отстаивали необходимость более четкого размежевания с буржуазным византиноведением. В итоге от византинистов потребовали "размежеваться" не только с буржуазным, но и с дореволюционным византиноведением, противопоставить себя буржуазным византинистам; вместо изложения содержания работ иностранных историков давать их критику, помещать в изданиях византинистов "боевые" редакционные статьи. Кроме того, не следовало упоминать имена или ссылаться на работы Острогорского, Вернадского, Васильевского без специальной оговорки их буржуазности и ошибочности их взглядов. Современному читателю может показаться, что в таких условиях наука о Византии должна была прекратиться свое существование, но ученые умели защищаться.

В ходе заседания критикам не удалось добиться от византинистов коллективного осуждения кого-либо из авторов статей уже опубликованного или подготовленных к печати сборников. Как только прозвучало имя Б.Т. Горянова, статья которого об Ф.И. Ус-

пенском грешила "аполитизмом", коллеги заговорили о должном марксистском уровне работ. Замечание критика о "церковном характере" статей искусствоведа В.Н. Лазарева тут же было опровергнуто Б.Т. Горяновым и Е.А. Косминским, сказавшими, что "все византийское искусство является церковным искусством, но в нем есть новые веяния", а главное, "что заниматься историей Византии, не занимаясь историей церкви, невозможно". Требование "разоблачения" буржуазного византиноведения было нивелировано тем, что, по мнению византинистов, выполнению той же задачи, только гораздо успешнее, могли бы служить "положительные исследования" (так в тексте стенограммы. - *А.Ш.*) историков. Таким образом, защитив на первых порах сборник и византиноведение от запрета, члены редколлегии могли закончить обсуждение, актуализировав историю Византии ссылкой на всю ту же "философскую" дискуссию: "вся история западноевропейской философии в значительной степени обязана влиянию византийской философии"³⁶.

Но трактовка научного наследия была для Е.А. Косминского не только научно-актуальной, но и этической и нравственной проблемой. Ученик Д.М. Петрушевского и других крупнейших отечественных историков дореволюционной России, он не мог предать своих учителей, традиций российской медиевистики и оценивать их творчество, руководствуясь политической конъюнктурой. Несгибаемый, бескомпромиссный Д.М. Петрушевский на протяжении многих лет их знакомства и дружбы был для него своеобразным нравственным камертоном. В середине 30-х годов Евгений Алексеевич упорно хлопотал о включении 75-летнего опального учителя в число сотрудников сектора Истории средних веков, о работах для него. Именно к нему Косминский обращался в самые тяжелые моменты жизни, когда одолевали сомнения - хватит ли сил завершить начатые исследования, да и просто выжить в атмосфере 30-х годов³⁷.

После прозвучавшей в 1947 г. критики сборников "Средние века" и "Византийский временник" за восхваление буржуазной науки Е.А. Косминский был вынужден прекратить чтение лекционного курса по историографии средних веков в МГУ, который он вел с 1938 г. Это было исследование творчества историков и целых школ, написанное образным, ярким языком. "Если история есть самосознание общества, то историография есть прежде всего самосознание историка. В ней он осознает прошлое, пути и законы своей науки, определяет свои границы, возможности и будущее. Если без истории общество - слепое, то и без историографии историк не историк"³⁸, - такими словами Е.А. Косминский начинал свой курс. Он убеждал студентов истфака в том, что "было бы глупостью и непростительной политической ошибкой огулом зачеркивать всю буржуазную историографию, не учитывая ее достижений. Классовое идей-

но-политическое содержание историографии - это лишь одна, хотя и очень важная сторона истории исторической науки... Для нас *более важно и ценно* (курсив мой. - Л.Ш.) расширение сферы тех фактов, которыми оперирует историография, уточнение методики, развитие исследовательской техники. Это то, чему можно учиться у историков предшествующих поколений"³⁹. Е.А. Косминский соглашался считать "политической ошибкой" именно забвение научных традиций. То, что происходило в конце 40-х годов, более всего напоминало историкам старшего поколения годы триумфа "школы Покровского", о которых они никогда не забывали. Противостоять новой волне подобного "триумфа" было чрезвычайно тяжело еще и потому, что путь для такого противостояния был только один - компромиссы. Ученым отныне следовало помнить о том, что "творцами" советской исторической науки были Ленин и Сталин и что именно они дали "классические оценки важнейших вопросов мировой истории". Спорить или даже уточнять эти оценки стало по-настоящему опасным⁴⁰.

Опубликованная в 1947 г. вторая монография Е.А. Косминского - "Исследования по аграрной истории Англии XIII века", - в определенной степени сохранившая свою научную актуальность до сегодняшнего дня, также стала объектом критики. В этой монографии ученый углубил исследование специфики мелкой вотчины в Англии, детализировал ее характерные черты и сделал вывод, что поскольку она была меньше связана с обычаем и традицией, то феодальные порядки разлагались в ней легче и быстрее. Таким образом, в своеобразии структуры мелкой вотчины историк увидел один из истоков специфики социальной структуры средневековой Англии. Разбирая комбинацию нескольких форм труда в вотчине XIII в., Е.А. Косминский подчеркивал единство экономической истории Англии с историей Европы того времени. В заключительной главе он пытался показать взаимосвязь экономического и социального развития королевства в XI-XV вв., настаивая на том, что развитие феодальной ренты в Англии не могло уложиться в линейную схему, применимую ко всем вотчинам по всей стране, что в XIII в. там наметились две основные линии развития феодального общества⁴¹. Эту книгу, которую Е.А. Косминский заканчивал во время войны в эвакуации, он назвал "пособием для изучения манора XIII века, охватывающим более или менее полно все основные проблемы, а не только ряд специальных вопросов", притом пособием доступным и "не слишком засушенным"⁴².

Отдельные положения этой монографии не раз обсуждались на заседаниях сектора Истории средних веков, но, когда она увидела свет, в адрес автора раздали обвинения, не столько затрагивающие суть и выводы исследования, сколько его академическую доб-

ротнось. Написанная в лучших традициях российской историографии, книга своим появлением в конце 40-х годов возбуждала неприятие критиков, увидевших в ней "попытку подмены марксизма-ленинизма экономическим материализмом". Поскольку обвинения не конкретизировались, то можно предположить, что под "подменой" подразумевались увлеченность автора аграрной и социальной историей, широкое использование статистических данных, уважительное отношение к традиции и предшественникам, отсутствие обязательных цитат. Бдительные "свои" среди историков тотчас отметили "отставание методологии от эрудиции: большая эрудиция и слабая методология". Это опасное отставание, предрекали они, потому что здесь сразу же появятся буржуазные идеи⁴³.

Евгений Алексеевич в чем-то повторял судьбу своего учителя Д.М. Петрушевского, автора работы о восстании Уота Тайлера, которого обвиняли в отрицании классовой борьбы. Косминский за главу монографии, посвященную борьбе за ренту, как и в начале 30-х годов, тоже был обвинен в недооценке роли классовой борьбы в средние века. Таким образом, после унижительной идеологической, а не научной критики, отвечать на которую было не только сложно, но и бессмысленно, за историком закрепился ярлык сторонника "буржуазного объективизма". Приговор новому "чужаку" звучал сурово: "Буржуазный объективист выхолащивает классовое содержание исторического процесса, превозносит реакционные стороны исторического прошлого, преклоняется перед старыми, консервативными началами, ненавидит новые, революционные начала"⁴⁴. С таким ярлыком Е.А. Косминскому предстояло жить в течение многих лет.

В 1948 г. в Ленинградском отделении Института истории была проведена ревизия, в ходе которой партийная организация города "взяла под контроль" ситуацию в институте. Специальные научно-производственные группы осуществили "углубленную проверку с настоящей большевистской критикой" всех работ историков, подготовленных к изданию и находившихся в печати, а также опубликованных ранее. Итоги этой проверки выявили, что среди историков распространено "низкопоклонство перед буржуазной культурой", "объективизм вместо решительной неослабной борьбы со лженаучными теориями буржуазных ученых". Метод избавления от такого рода недостатков был к тому времени уже не раз и хорошо апробирован - новые формы контроля, бдительность, повышение марксистско-ленинской теоретической подготовки историков⁴⁵.

Такую же работу пришлось начать Институту истории в Москве, поскольку в трудах его сотрудников за послевоенный период тоже "обнаружилась" буржуазная идеология и "общее сползание на социал-реформистские позиции". В течение года волна критических

выступлений превратилась в смертоносную лавину, желающих обрушить ее на головы классово-чуждых было слишком много. Постановления ЦК ВКП(б) по улучшению идеологической работы воспринимались на местах весьма "творчески". Так, в отчете Института истории говорилось: "В нашем советском обществе развитие от низшего к высшему происходит в форме критики и самокритики, являющейся подлинной движущей силой нашего развития. Товарищ Сталин учит нас, что только смелая и открытая критика помогает совершенствоваться нашим людям, побуждает идти вперед, преодолевать недостатки своей работы"⁴⁶. Отметим, что Институт располагал на тот момент не только большим научным потенциалом, но и мощной партийной организацией: на 115 беспартийных сотрудников приходилось 83 члена и кандидата в члены ВКП(б)⁴⁷.

Критика не обошла фактически ни один из секторов. Медиевистов подвергли осуждению как за "ошибочные" и "немарксистские" сборники, так и за отдельные труды. Был рассыпан набор третьего выпуска "Средних веков". И если в феврале 1948 г. еще было возможным выдвижение "Исследований по аграрной истории Англии XIII века" Косминского на Сталинскую премию, то уже спустя несколько месяцев это казалось совершенно невысказанным. В сентябре 1948 г. центральные газеты опубликовали ряд статей с критикой конкретных трудов историков⁴⁸. Увидеть в негативном контексте свое имя, названия изданий, ответственным редактором которых являешься, было вполне достаточно, чтобы начать беспокоиться о собственной безопасности и работе. Маховик репрессий крутился в стране так давно, что это не могло не наводить шестидесятилетнего Е.А. Косминского на печальные размышления по поводу возможных для него вариантов развития событий.

Поиску внутренних врагов среди представителей науки способствовала августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 г. В сентябре в Институте истории было проведено совещание сотрудников сектора Истории средних веков, на котором обсуждалась работа сектора и медиевистов в целом. Ученым предстояло решить - создали ли они марксистскую медиевистику или, будучи "старым поколением", "охвостом виноградовской школы", сделать этого не смогли. На данный вопрос специалисты по европейскому средневековью ответили положительно, сославшись на истинно марксистские труды ... Е.А. Косминского, М.М. Смирин и Б.Ф. Поршнева. Фактически это означало следующее: "все-таки у нас марксистская медиевистика хоть и есть, но с определенными извращениями".

По-прежнему болезненной оставалась проблема отношения к научному дореволюционному наследию - здесь мнения коллег впервые разделились. М.А. Барг отчаянно защищал творчество Д.М. Петрушевского, А.Н. Савина, П.Г. Виноградова от "политического ра-

зоблачения", к которому призывали медиевистов. Серьезными оппонентами его точки зрения оказались Б.Ф. Поршнев и А.В. Старостин (аспирант Е.А. Косминского!), считавшие, что наличие или отсутствие дореволюционного наследия мало что меняет: советские историки вправе им пренебречь и "отбросить", поскольку "есть Маркс, Ленин, Сталин - великие историки. За ними мы должны следовать, именно у них нам надобно учиться". Тем не менее, завершая обсуждение этой острой проблемы, Е.А. Косминский постарался максимально смягчить резкость оценок. Он деликатно напомнил коллегам, что пиетет по отношению к учителям - хорошее качество человека и историка, и настоятельно призвал не отвергать разом все наследие русских медиевистов. Ученый опасался, что особенно легко отринет традиции прошлого молодое поколение историков, так как уже был свидетелем подобной ситуации и ее печальных результатов. Как педагог он полагал своим долгом объяснить молодежи, что есть ценного и спорного в трудах предшественников, "в чем они являются людьми своего времени, в чем их идеи для нашего времени уже устарели"⁴⁹.

Слова Е.А. Косминского о пиетете, а фактически о научной этике, беспокойство о том, как воспринимают информацию юные историки, - все это яркое свидетельство конфликта поколений - пятидесяти-шестидесятилетних и более молодых людей, выросших и воспитанных в советское время. Этот конфликт был настолько заметен, что советские литераторы не замедлили отразить его в своих произведениях, тем самым усугубив негативное отношение к ученым старшего поколения. В конце 40-х годов их обычно изображали как отрицательный персонаж, который жил идеями "чистой науки", требовал от студентов знания фактов, а не эмоционального теоретизирования, с одобрением поглядывал на Запад - одним словом, подлежал разоблачению и изгнанию из института или университета⁵⁰. К этим мамонтам от науки послевоенное общество предъявляло требования, которым они не могли и, согласно правилам литературного жанра того времени, не хотели соответствовать. А потому этих представителей интеллигенции, живших в условиях материального достатка, воспринимали как откровенных предателей интересов народа, который им эти "тепличные условия" обеспечивал. Новый персонаж, созданный советской литературой, влияние которой на общественное сознание было в то время чрезвычайно велико, оказывался в итоге вовсе не безобидной пародией, но реальным идейным оружием, широко доступным для понимания и простым в применении. Противопоставить ему, кроме... безупречных научных работ, было нечего. В остальном старшее поколение вынуждено было идти на унижительные компромиссы или неискренний, а потому особенно

отвратительный коллаборационизм, направленный против своих вчерашних друзей и коллег.

В ходе обсуждения вопроса об отношении ученых к их буржуазным западным коллегам медиевисты окончательно убедились, что предстоит отгораживаться от них всеми силами или, говоря партийным языком, "использовать оружие медиевистской науки против буржуазных лженаук". Выставшие в подобной атмосфере молодые историки именно сквозь такую призму начинали воспринимать зарубежную историографию, постоянно слыша о том, что "преимущества советского политического и общественного строя предоставляют возможность для создания умственного превосходства советских людей над людьми буржуазной цивилизации"⁵¹. Литература и искусство СССР 40-50-х годов также вполне успешно справлялись с пропагандой этой идеи.

Разговоры о "большевистской непримиримости", "партийной и боевой" медиевистике, о "фронте истории средних веков" неизбежно вызывали в памяти старшего поколения воспоминания о чистках интеллигенции конца 20-х - начала 30-х годов. Для реализации идеи "фронта" партийные активисты Института истории предлагали "засадить" всех сотрудников сектора Истории средних веков за какую-нибудь общую коллективную работу, а к обсуждению научных проблем привлекать широкую общественность. Научные планы Института предлагалось сделать директивными и таким образом покончить с индивидуализмом исследователей⁵², реализовав задачу тотального за ними контроля.

Поскольку сектор критиковали за множество "ошибок", то закономерно встал вопрос о руководстве коллектива медиевистов и стиле их работы. Атмосфера насаждаемой критики и самокритики по всей стране противоречила уважительной - по отношению к научным взглядам коллег - атмосфере, царившей в секторе Истории средних веков. Поэтому в изменившихся условиях главный упрек, адресованный заведующему сектором Е.А. Косминскому, звучал так: недооценка сотрудников, обладающих "критическим чутьем" и умеющих подмечать недостатки. Сегодня остается лишь удивляться стойкости медиевистов, не допустивших до конца сороковых годов появления в своем сообществе атмосферы доноительства и самооговоров⁵³. Но аморальность общества и идеологии оказывали влияние на молодых ученых, и в 1948 г. они выражали готовность внедрять рекомендованный "боевой" стиль работы в научной среде.

Заключительное слово Е.А. Косминский, как ему было недвусмысленно предложено, начал с самокритики и критики работы сектора, стараясь, по возможности, их смягчить: "Мы делаем большое дело, - сказал он, - а в большом деле всегда бывают ошибки. Но достоинство настоящего ученого заключается в том,

чтобы безо всякого ложного самолюбия отказаться от своих ошибочных установок и взять своевременно правильную линию". В действительности, время заставляло забыть о научной шепетильности и академизме, памятуя о грубой и унижительной прозе жизни или, как уже говорилось, внешне идти на максимально искренние компромиссы, или смириться с публичной критикой и научным забвением, ожидая чего-то более страшного... Е.А. Косминский прекрасно осознавал, что никакое высокое положение - в политических или научных сферах (например, членство в Академии наук) - от уготованной судьбы не спасет. А потому был вынужден признать наличие буржуазных влияний в медиевистике и необходимость усиления с ним борьбы, равно как необходимость составления нового - боевого и партийного - плана работы сектора и актуализации трудов его сотрудников. Признав критику работы сектора в целом правильной (иначе и быть не могло - любое несогласие грозило политическими обвинениями), Е.А. Косминский тем не менее постарался оградить коллег от возможных "организационных выводов", не назвав ни одного имени "ошибавшихся". Он призвал коллег не спешить "разносить или прорабатывать" друг друга, зная по опыту прошлых разоблачительных кампаний, чем это может закончиться. Е.А. Косминский предложил политически и идеологически безупречный, но другой вариант поведения: "ошибки каждого товарища вовремя учитывать и поднимать его научный и политический уровень, если этот уровень недостаточен"⁵⁴.

Таким образом, опальный академик по сути не преминул еще раз усомниться в способности новоявленных критиков делать выводы о научных и методологических достоинствах и недостатках трудов медиевистов. Что это было: продуманный шаг настоящего ученого, убежденного в том, что уровень научной продукции вверенного ему коллектива очень высок? Несомненно. Привычное неприятие интеллигентом любых идеологических постулатов? Вероятно. А кроме того, Е.А. Косминский не верил, что разгромная критика способствует поискам объективной истины, он верил в возможности творческой личности как таковой. Истинным интеллигентом, человеком высоких нравственных качеств, предстает Е.А. Косминский в опубликованных и неопубликованных воспоминаниях своих учеников и коллег⁵⁵.

Тем временем в секторе Истории средних веков состоялось открытое партийное собрание, на котором теперь уже серьезно, без всяких обиняков осуждали ... все тот же первый выпуск "Византийского временника" и искали ошибки в работах, предназначенных для его очередных выпусков. Снова критиковали передовую статью, восхвалявшую, как помним, "буржуазное византиноведение", кото-

рую, как выяснилось, в свое время утвердил к печати секретариат парткома Института истории после обсуждения на трех (!) заседаниях и дирекция. Тем не менее ответственность за "неправильную" статью была возложена на редколлегию сборника.

В ходе таких собраний вырабатывалась и шлифовалась тактика редколлегии и ответственного редактора "Византийского временника", призванная отстоять как сам сборник, так и наиболее интересные в нем статьи, даже если их приходилось "перерабатывать" до неузнаваемости; случалось, что особенно неординарные выводы и оценки помещались в примечания либо читались (угадывались) "между строк". Подобная тактика породила проблему допустимого предела такого редактирования в обстановке, когда историков вынуждали "четко прислушиваться к политической ситуации". Жесткая самоцензура как способ выживания - это серьезный компромисс, на который решился Е.А. Косминский. "Успехи" редколлегии "Византийского временника" на этом поприще оказались столь впечатляющими, что в глазах зарубежных ученых именно Евгений Алексеевич выглядел главным "цензором и дискриминатором византинистов". Впрочем, изменившийся характер его публикаций и особенно тон официальных выступлений не оставляли у них сомнений: наверняка Косминский во время войны вступил в партию. Ничем иным они не могли объяснить произошедшую с ним метаморфозу³⁶.

Заключительная речь Е.А. Косминского на открытом партийном собрании содержала все необходимые атрибуты самокритики: грубоватую и резкую оценку статей, уже обративших на себя повышенное внимание проверяющих, ярый антиамериканский настрой, обещание изъять все ссылки на труды советских ученых, опубликованные за рубежом, и на иностранные издания византинистов. Вероятно, коллеги не ожидали, что их руководитель усомнится в необходимости вообще писать о не советских византинистах, в частности о С.П. Шестакове.

К сентябрю 1948 г. византинисты отчетливо осознали, что от второго выпуска "Византийского временника" зависит не только судьба сборника, но и судьба группы в Институте истории, - следовало приложить все усилия, чтобы сделать безукоризненный в политическом отношении выпуск, и добиться прекращения разговоров о реакционности самого византиноведения³⁷.

Видя мрачное настроение Е.А. Косминского, коллеги старались поддержать его, хотя бы присутствием на погромных собраниях. В те дни З.В. Удальцова писала византинистам в Ленинград: «Положение в нашей группе и с "Византийским временником" продолжает еще оставаться весьма напряженным. Евгений Алексеевич на последнем заседании узкого круга византинистов сказал, что в ближай-

шее время появится передовая статья в "Вопросах истории", где его опять будут ругать за сборник... особенно за аполитичность и методологические ошибки»⁵⁸.

Несмотря на многочисленные проверки, партийный контроль, противодействие цензуры, редколлегии удавалось продолжать издание "Временника", причем для защиты самых интересных статей Е.А. Косминский прибегал к "официозу" - к цитатам. Так бывало даже в самые мрачные для историка месяцы осени 1949 г. Именно тогда он попросил академика В.П. Волгина «принять какие-нибудь меры в защиту ... от притязаний издательства, которое пожелало снять лучшую статью в очередном выпуске "Византийского временника" на том основании, что там будто бы говорится о влиянии византийской архитектуры на русскую в XI в.» Речь шла о статье искусствоведа Н.И. Брунова, первоначально озаглавленной "Об истоках русского зодчества". Ее публикацией Е.А. Косминский сознательно выражал неприятие того вульгаризаторского подхода к истории и культуре, на котором основывалась кампания борьбы с космополитизмом. "Самостоятельность и самобытность культурного развития, - писал он, - не исключает влияния окружающей культурной среды. Отрицать творческое значение этих влияний, значит обеднять и унижать русскую культуру, которая... использовала высшие культурные ценности Византии (самой культурной страны тогдашнего мира)". В заключение медиевист не без сарказма напомнил издателям о партийной директиве и советовал "вдуматься в политически авторитетное" "Постановление жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник по истории СССР", в котором жюри непонимание того, что "с христианством славяне получили некоторые элементы более высокой византийской культуры", квалифицировало как "отрывку антиисторических, немарксистских взглядов"⁵⁹. В итоге статья была опубликована только под самым что ни на есть политически выдержанным для своего времени названием - "Киевская София - древнейший памятник русской каменной архитектуры"⁶⁰.

Тем временем волна критики и самокритики нарастала. За сопротивление буржуазному влиянию уже были осуждены биологи, искусствоведы, музыканты и представители других наук и искусств, а газета "Культура и жизнь", орган Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), потрясала воображение читателей все новыми разоблачениями. В скором времени обширный список ошибавшихся должны были пополнить историки, в частности медиевисты.

Пока же все подразделения Института истории в обязательном порядке обсуждали итоги августовской сессии ВАСХНИЛ; сектор Истории средних веков посвятил этому четыре дня, \-Л октября 1948 г.

Основной доклад - Е.А. Косминского - и сегодня производит гнетущее впечатление. Впервые заведующий сектора не нашел в работе своего подразделения ни одного положительного момента, перечисляя лишь недостатки, ошибки, "уклоны". Тем не менее он не раз подчеркнул, что за все недостатки в работе "несет ответственность руководство сектора". Превратив таким образом критику в самокритику и опять не назвав ни одного имени, Евгений Алексеевич направил заседание в такое русло, чтобы оно не превратилось в "избиение" отдельных ученых⁶¹.

Ошеломленные сотрудники сектора, явно не ожидавшие такого накала критики и самокритики от своего заведующего, не раз пытались спросить его, какую же тематику намерен изучать сектор в дальнейшем, если все сделанное - плохо? На это Е.А. Косминский неизменно отвечал, что будет время это обсудить позже и на другом заседании. А пока, критикуя себя и свои работы, он, видимо, надеялся, что его покаянное выступление умерит пыл инициаторов этой разгромной кампании.

В ходе прений (основной докладчик Н.А. Сидорова) медиевистам главным образом инкриминировали проникновение в их труды буржуазной идеологии. Многие к тому времени поняли, что лучше самим заранее найти в своих работах положенные ошибки и пообещать их исправления, чем настаивать на безупречности исследований и становиться объектом очередной проверки со стороны партийных активистов. Государственная машина не могла допустить, чтобы какая-то часть интеллигенции оказалась вне зоны критики и самокритики⁶².

И все же медиевисты все еще сопротивлялись политизации их науки и стремились всячески ослабить ее зависимость в тематическом и оценочном отношении хотя бы от... внешнеполитического курса СССР. Медиевист и член парткома Института Н.А. Сидорова критиковала коллег за саботаж "идеологических" тем, в частности такой, как марксистская история папства. "И это происходит в тот момент, - возмущалась она, - когда Ватикан является передовым отрядом воинствующей империалистической буржуазии!" Специалисты позволяют себе смотреть "на партийную постановку этой темы с кривой усмешкой и говорят, что если ее ставить по-боевому, по-партийному, то это не относится к области науки"⁶³.

Однако не все сотрудники сектора согласились с прозвучавшей критикой и самокритикой. Когда Е.А. Косминский в очередной раз взял на себя вину за то, что историки не успевают вовремя закончить очередной том "Всемирной истории", В.М. Лавровский взял слово и заявил, что он как заместитель Косминского, ответственного за данный том, тоже виноват, равно как и все авторы тома, и дал политически убедительное оправдание всяческим задержкам в

работе. Ведь том "Всемирной истории" пишется в тот момент, когда советский народ переходит к строительству коммунизма, что заставляет историков быть максимально строгими к результатам своего труда⁶⁴.

После обвинений, прозвучавших в выступлении Н.А. Сидоровой в адрес Е.А. Косминского, А.И. Неусыхина и В.М. Лавровского, склонных объединять дореволюционную и советскую науку в "единый поток", доводы, прозвучавшие в выступлении Я.Я. Зутиса, показались весьма смелыми. Он уверял, что поводом для критики стало не проникновение буржуазной идеологии извне, а ее пережитки в сознании старшего поколения ученых, которые нередко просто не отдавали себе в этом отчета. Более того, он осторожно напомнил коллегам, что само восприятие марксизма советским обществом с течением времени заметно трансформировалось. Поэтому если бы раскритикованные труды вышли в свет в конце 20-х годов, то "никто бы не увидел ошибок, и все авторы считались бы безупречными марксистами"⁶⁵.

Проблему критики буржуазной медиевистики дополнял вопрос о том, как же следует разоблачать "служителей империализма". Достаточно неожиданно ученые узнали, что в критических статьях им "можно позволить себе отступить от общепринятого профессионального объективизма", поскольку в противном случае "не видно гнева против фальсификации истории"⁶⁶. Так в конце 40-х годов и специалистам по западноевропейскому средневековью пришлось заговорить тем языком "большевистской критики", внедрению которого они долго сопротивлялись, уважая традиции и памятуя о научной этике.

Новые правила дискуссий с зарубежными коллегами усвоить было непросто. В условиях настоятельно требуемой критики буржуазной историографии Е.А. Косминский в 1948 г. написал рецензию на первый том "СатЪлпё^е Есопотю БИЗЮгу оГЕигоре" (Бопсюп, 1941), которой дал самое что ни на есть политически правильное заглавие, точнее, "заимствовал" его из критических выступлений в собственный адрес - "Против фальсификаций в области экономической истории Европы". И хотя по внешним атрибутам рецензия вполне отвечала требованиям времени, но переломить себя и уподобиться многочисленным псевдонаучным критикам, которых он презирал, Е.А. Косминский не мог. Он серьезно и глубоко анализировал достоинства и недостатки издания, ничего не замалчивая. Возможно, именно по причине "излишней" честности автора эта рецензия так и не была опубликована. Но рука цензора прошла по ней весьма тщательно, изменив до неузнаваемости авторские оценки.

Из числа названных Е.А. Косминским "наших" специалистов по экономической истории цензор вычеркнул имена И.М. Гревса и

р.Ю. Виппера. Определение авторского коллектива "Кембриджской истории" как интернационального, было исправлено на "космополитический". Еще больше от произвола цензора пострадали авторы этого труда: он дописал им требуемые временем характеристики, вычеркнув при этом все положительные оценки их работы. Например, из анализа статьи классика византиноведения Г. Острогорского была исключена высокая оценка, данная Косминским разделу о Византии, а Марк Блок якобы "повторял допшианские вымыслы". Еще больше досталось Петру Струве, чью статью Е.А. Косминский охарактеризовал как "обличающую полное незнакомство автора с новыми достижениями советской науки и безнадежно путаную". В исправленном варианте эта характеристика звучала по-другому: "Статья Струве изобличает полное пренебрежение автора к новым достижениям советской науки и реакционна по своим методологическим установкам". После правки исчезли объяснения Евгения Алексеевича некоторых недостатков издания слабой разработанностью того или иного вопроса. Недопустимой ересью оказался и его весьма осторожный итоговый вывод о том, что советский читатель найдет для себя немало интересного материала в ряде глав "Кембриджской экономической истории"⁶⁷.

После серии критических обсуждений трудов историков, состоявшихся осенью 1948 г., стало ясно, что они смогут работать только в том случае, если будут выполнять все политические и идеологические требования партии и правительства. Другой путь, более сложный и тернистый, позволял спасти как определенный уровень научности трудов, так и самоуважение ученых. Для этого следовало научиться убеждать контролирурующие органы в том, что та или иная книга, статья или точка зрения не противоречат марксизму, политически актуальна и идеологически выдержана. В качестве доказательства использовались ссылки на высшие авторитеты (Ленина и Сталина), к которым медиевисты умели подходить творчески...

Когда в 1949 г. весь сектор Истории средних веков обсуждал новую редакцию вузовского учебника, камнем преткновения для его авторов стала проблема так называемой "революции рабов". Особенно это касалось глав по раннему средневековью, написанных Е.А. Косминским, и глав по истории Византии, написанных З.В. Удальцовой.

Замечание Сталина в речи на Первом съезде колхозников-ударников в 1933 г. произвело "переворот" в исторической науке, вынудив античников и медиевистов искать "революцию рабов" в Древнем Риме и "революцию крепостных" в более поздние периоды истории. Чтобы наука и учебники не стали окончательно профанацией, Е.А. Косминский постарался придать фразе вождя "историческое освещение", в русле которого продлил время действия "рево-

люции рабов" на Восточную римскую империю, где были свои особенности (например, "контрреволюция Юстиниана"), и предложил считать ее конечной датой 1453 г. Основное содержание "революции рабов" в подобном масштабе историк видел в "борьбе рабов и колонов в союзе с варварами против рабовладельческого строя". Под подобной словесной маскировкой хорошо скрывалась проблема генезиса феодализма и специфика социально-экономического развития империи.

Для большинства историков абсурдность появления подобных "революций" в истории была бесспорна. В 1955 г. Е.А. Косминский, отвечая на вопрос английских историков об этом феномене советской историографии, отметил, что это понятие в науке избегают употреблять, поскольку оно "позволяет делать слишком много неправильных истолкований и сомнительных аналогий"⁶⁸. В конце 40-х годов оно было обязательным, особенно для авторов университетского учебника по истории средних веков. Но историки переусердствовали. Например, З.В. Удальцова, стремясь вопреки очевидному доказать читателям обоснованность сталинской реплики, настолько часто на нее ссылались, что добились противоположного эффекта - оппоненты заметили неуверенность византиста в ее правильности⁶⁹.

Именно на примере учебников по истории средних веков для средней школы, неизменным автором которых со второй половины 30-х годов был Е.А. Косминский, видно, как распространялись идеологические штампы, как выхолащивался изначально живой текст и сокращалось число нарисованных им иллюстраций. Ужесточение идеологического контроля и самоконтроля ученого приводило к печальным результатам. Он сдавал некогда непоколебимые позиции объективного рассказчика. Поскольку учебники переводились на иностранные языки, то историк невольно становился проводником той идеологии, чьим заложником он являлся. Любопытно, что, несмотря на серьезную критику в его адрес, Косминский до середины 50-х годов продолжал оставаться автором единого для всех школ страны учебника.

Создание новых учебников для школ и вузов пришлось на 1949 г., и это было поистине в большей степени "создание", чем просто написание. Концепция учебников, призванных отразить новый исторический этап и дух времени, вырабатывалась коллективно, при участии всех сотрудников сектора Истории средних веков и кафедры МГУ (шесть совместных заседаний!), а также неоднократно обсуждалась в печати и на совещаниях педагогов школ и вузов. Новым в этих учебниках было то, что история всей средневековой Европы освещалась в них с акцентом на роли, которую Россия и славяне сыграли во всемирно-историческом процессе. Положение народ-

ных масс и классовая борьба - вот главные темы учебников. Авторам приходилось нелегко. Учебники, в первую очередь университетский, требовали превратить в "обвинительный акт против феодализма, против феодальной эксплуатации, против феодального государства". В них должна была просматриваться "преемственная связь между борьбой пролетариата и борьбой плебейских масс", а при отборе и оценке фактического материала на первый план следовало "выдвинуть" интересы трудящихся. В соответствии с последним критерием авторам предписывалось оценивать все события "по-партийному, субъективно, но будучи в то же время глубоко объективными, поскольку наше субъективное отвечает научному существу дела"⁷⁰. И сама эта фразеология, и декларируемые подходы были органически чужды Е.А. Косминскому. Язык, стиль мышления, наконец, само отношение к науке - всем приходилось жертвовать, в определенной степени предавая те этические и нравственные принципы, на которых он был воспитан⁷¹. Об этом, а также о степени проникновения идеологии в медиевистику свидетельствует выступление Е.А. Косминского на очередном заседании сектора по поводу учебника для вузов.

Свойственную некогда А.Е. Косминскому академическую манеру изложения сменил набор штампов, в том числе о классовой борьбе, революциях, марксистско-ленинской теории и буржуазных фальсификаторах. Поскольку создателей прежних учебников упрекали в бесстрастности изложения и "объективизме", то новые, по мнению их основного автора (Косминского), должны были "учить ненавидеть эксплуататоров, глубоко сочувствовать народным массам"; да и саму историю средних веков следовало превратить в "поле боя между научно-марксистской и буржуазной, фашистской идеологией". Кроме того, выяснилось, что роль церкви в истории средневековой культуры освещалась неправильно, ибо церковь всегда была и остается "врагом культуры, а если когда-то и играла прогрессивную роль в развитии культуры, то случайно, помимо своего желания"⁷².

Школьный учебник Е.А. Косминского по истории средних веков, изданный в 1949 г. и неоднократно переиздававшийся, был внимательно отрецензирован не только в советской, но и в зарубежной прессе. Учебнику и его автору был посвящен один из выпусков трудов Мюнхенского института по изучению культуры и истории СССР (1954). Рецензент скрупулезно проанализировал концепции истории средневековья, структуру и даже лексику учебника и пришел к неутешительному выводу: это труд талантливого, но запуганного и запугавшегося в паутине идеологических догм и партийных указаний человека, который тем не менее пытался написать свой труд на должном научном уровне. "Как один из выдающихся русских исто-

риков средневековой Европы, Е.А. Косминский ранее относился к абстрактным построениям в науке и в учебной литературе и практике вполне отрицательно. Но терроризированный выступлением Жданова и последовавшей затем чисткой историков... он подверг свой старый текст систематической ревизии, стирая с доски рассказа подряд все лишнее или опасное - факт за фактом, деятеля за деятелем, эпоху за эпохой: оставленный материал был переработан в духе тотального понимания феодализма и борьбы классов и осложнен постоянными жалобами на зверства феодалов и церковников и мотивами ненависти и мести"⁷³. Точно подмеченный рецензентом мотив ненависти, даже с нотками истерии, наличествующие в учебнике грубые эпитеты идеологических кампаний - все это отражало ситуацию в СССР, в медиевистике, положение самого ученого.

Однако на этом история не закончилась. Столь подробное изложение мнения западного рецензента продиктовано тем, что именно эта книга наряду с другими изданиями Мюнхенского института лежала на стенде во время работы X Международного конгресса исторических наук в Риме в сентябре 1955 г. Е.А. Косминский входил в состав советской делегации и выступал с докладом "Об основных проблемах западноевропейского феодализма в советской исторической науке". Из рассказа сотрудников Института следует, что книга о медиевистике вызвала большой интерес у его коллег по делегации. Ее интенсивно пролистывали, так называемые "спутники" делегации пытались стащить выставочный экземпляр со стенда; как и другие издания, она вызвала ярость руководителя делегации А.М. Панкратовой и протест Посольства СССР в адрес итальянского МИДа. После последнего инцидента выставку закрыли, зато само необычное по накалу страстей событие получило широкое освещение в иностранной прессе. Итальянские газеты были розданы участникам конгресса, так что если сам Е.А. Косминский книгу не видел и не знал о ее содержании от других членов делегации, то о себе он в любом случае мог прочесть следующее: "Косминский - старейший и, может быть, наиболее известный из всех прибывших в Рим из России делегатов... В книге, изданной Мюнхенским институтом, сказано, как давление коммунистической партии заставило этого крупного историка отказаться от собственных книг, написанных в молодости, и объявить себя марксистом, чтобы иметь возможность продолжать свою научную работу, которой он посвятил половину своей жизни"⁷⁴.

Таким образом, зарубежной аудиторией Е.А. Косминский стал восприниматься как собирательный образ советского историка старшего поколения, прошедшего через тяжелые испытания, которые его в итоге сломили. Другими словами, рождалась своего рода новая легенда, в которой наряду с генетиком Н.И. Вавиловым поя-

вилась еще одна жертва сталинской системы - историк Евгений Алексеевич Косминский. Миф формировался легко, во-первых, потому, что к середине 50-х годов на Западе было известно много леденящих кровь подробностей о репрессиях в СССР, во-вторых, по причине непримиримого противостояния советской и зарубежной историографии, в результате которого жертвы критики - как с той, так и с другой стороны - легко обретали ореол мучеников.

К тому же доклад Е.А. Косминского на конгрессе служил хорошим подтверждением достоверности этого образа. Построенный по идеологически правильному шаблону, несомненно, прошедший цензуру и всяческие согласования и утверждения, он содержал ссылку на традиции дореволюционной медиевистики, но и, естественно, обязательное "отмежевание" от российских буржуазных историков. Интернациональную аудиторию, вероятно, могли лишь изумить слова историка о том, что "крупнейший вклад в дело теоретической разработки проблем истории, в частности проблем феодализма, внесли многочисленные труды Ленина и ряд работ Сталина"⁷⁵.

Индивидуальное давление на ученых, общий идеологический пресс, атмосфера "чисток интеллигенции" и бесконечной критики и самокритики сказывались не только на работах историков, но и на взаимоотношениях внутри научного сообщества, даже на старинных дружеских отношениях, из которых нередко уходило самое главное - доверие друг к другу.

После всех проработок осени 1948 г. сектор Истории средних веков Института истории АН СССР пересмотрел не только подготовленные выпуски "Средних веков" и "Византийского временника", но и ряд монографий. В числе "пересмотренных" значились "Очерки по истории английского манора в XV-I-XVH веках" В.М. Лавровского (давнего друга и коллеги Е.А. Косминского), законченные им в разгар критики медиевистов и написанные на основе обширного статистического материала, а потому содержащие много таблиц. Книгу предваряло посвящение А.Н. Савину, так что по всем критериям она подпадала под обвинение в "объективизме" и в "экономическом материализме". В ходе обсуждения на заседании сектора исследование не было рекомендовано к публикации, что В.М. Лавровский воспринял как предательство со стороны друга. Е.А. Косминский, в свою очередь, не мог понять этой обиды, поскольку в "задержке" издания книги видел единственно возможный способ для автора избежать травли. Еще задолго до обсуждения книги Лавровского, в самом начале кампании против историков старшего поколения, он писал В.М. Лавровскому: "Мне хочется, чтобы Ваша книга увидела свет. Мне хочется также, чтобы она не причинила больших неприятностей Вам как автору, мне как ответственному редактору, сектору и институту". Е.А. Косминский предлагал, помимо сокращения

числа таблиц и других корректив, "снять посвящение Савину. Сейчас оно похоже было бы на совершенно неуместный вызов"⁷⁶. Однако отложенное издание книги не спасло В.М. Лавровского от жесткой критики и увольнения из Университета и Института. Так или иначе, но отношения между историками были надолго прерваны.

Самым тяжелым для Е.А. Косминского оказался 1949 год. Именно тогда, в ходе кампании борьбы с космополитизмом, его имя как человека "ошибающегося", наряду с именами А.И. Неусыхина и О.Л. Вайнштейна, постоянно звучало на собраниях, в прессе и даже упоминалось в документах ЦК.

В тот год борьба с "буржуазным космополитизмом" являлась, вероятно, главным направлением в работе Института истории. В течение года была восстановлена жесткая трудовая дисциплина военных лет, опять введено заполнение графиков места и времени работы. Переписка секторов Института с другими учреждениями теперь должна была идти только через дирекцию.

Критика трудов историков в печати, особенно в органе Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), в газете "Культура и жизнь" усиливалась. Современники вспоминали, что с ужасом ее открывали, поскольку приговор, вынесенный этой газетой, "обжалованию не подлежал. Если бы и нашлись смельчаки выступить против - их статьи все равно нигде бы не поместили. Авторы раскритикованных книг подвергались долгой и унижительной проработке на собраниях своих учреждений, где должны были каяться и признавать ошибки"⁷⁷.

В Институте истории началась проверка идейно-политического содержания трудов, усилившаяся после критики учреждения в секторе науки ЦК в декабре 1949 г. В секторах прошли повторные обсуждения опубликованных и готовящихся к печати работ, в том числе монографии Е.А. Косминского. Рукописи, сданные в издательство Академии наук, подвергались дополнительному рецензированию, к которому привлекали только историков-коммунистов⁷⁸.

В январе 1949 г. на праздновании 225-летия АН СССР в докладе ее президента С.И. Вавилова прозвучал призыв "восстановить историческую правду, показать истинное высокое место отечественной науки в мировой культуре, восстановить и аргументировать многие ее забытые приоритеты". Началась кампания борьбы с "низкопоклонством перед Западом".

На мартовском 1949 г. заседании Ученого совета Института истории по вопросам борьбы с космополитизмом выяснилось, что политически ошибочных трудов историков очень много, их критика была настолько яростной, что пришлось срочно "укреплять кадры". Для начала Институт был "очищен" от сотрудников, "отягощенных грузом политических ошибок или не представляющих ценности по

своей деловой квалификации", всего 12 человек, в числе первых - И.М. Разгон, А.Р. Авербух, Б.Н. Лихтер, Н.С. Волков, Г.Н. Войтинский. Для этого были использованы материалы аттестации старших научных сотрудников, которая проводилась в 1947-1948 гг.

Затем уволили сотрудников, обвиненных в политических ошибках и космополитизме. Таких к концу 1949 г. набралось еще 12 человек⁷⁹. Всего с 1 октября 1948 по 1 октября 1949 г. из Института истории были отчислены⁸⁰ 24 сотрудника, из них шесть докторов и девять кандидатов наук.

"Укрепление коллектива" осуществлялось за счет политически проверенных работников, хотя и без научных степеней. В итоге проведения кампании по борьбе с космополитизмом по двум основным направлениям - национальному и идеологическому - кадровый состав Института истории изменился, что зафиксировано в отчетах 1949-1950 гг., а именно: процент членов партии увеличился, а число историков еврейской национальности сократилось⁸¹. Подобное "укрепление кадров" не обошло стороной и руководителей секторов и дирекцию. Но главным объектом критики стало старшее поколение историков, в частности медиевистов, о чем в одном из документов говорилось прямо и откровенно: "В составе Института существует некоторый (а в отдельных секторах очень влиятельный) слой историков, вышедших из буржуазных исторических школ или испытывавших на себе их влияние, а потому не ставших настоящими марксистскими историками. Отсюда как открытое проявление буржуазных взглядов, так и их рецидивы в форме экономического материализма, буржуазного объективизма, отказа от теоретических обобщений"⁸².

23 марта состоялось объединенное заседание сектора Истории средних веков и кафедры МГУ под председательством Е.А. Косминского, возглавлявшего оба подразделения. Именно он задал тон собранию, поставив проблему космополитизма в медиевистике в виде вопроса: "Не проник ли к нам в какой-либо форме этот буржуазный космополитизм, не отравляет ли он нашу историческую науку?" После чего первая часть заседания, несмотря на многочисленные обвинения и критику, прошла в целом спокойно, без подобающей случаю разгромной истерии. Основной доклад о космополитизме в среде медиевистов (35 машинописных страниц!) от лица партийной организации делала Н.А. Сидорова. И хотя обвинений в докладе досталось на всех, Е.А. Косминский счел необходимым отметить, что все подвергнутые критике лица вправе не только ее признать, но и, может быть, что-то возразить. Даже столь осторожное заявление главы московских медиевистов явилось для его коллег (памятуя о времени) важной моральной поддержкой и свидетельствовало о том, что в их силах не допустить намечавшего разгрома.

Главными объектами критики стали прежде всего Е.А. Косминский и А.И. Неусыхин. Первого критиковали за политические ошибки в сборниках византинистов и медиевистов, за европоцентризм школьных и университетских учебников, за отсутствие принципа партийности в историографических работах, за традиционализм. А.И. Неусыхину припомнили его книгу 1929 г. "Общественный строй древних германцев", полемику (вместо критики) с иностранными учеными и недостаточно "марксистское" обучение студентов. Постоянной фигурой для критики оставался ленинградский медиевист О.Л. Вайнштейн, в частности его работа по историографии средних веков - "образец полного отрицания роли марксистской советской историографии". Кроме того, все они, а также В.М. Лавровский и М.А. Барг проповедовали идеи традиционализма. Как следовало из комментариев Н.А. Сидоровой, вместо того, чтобы осудить П.Г. Виноградова за отказ от русского подданства, Д.М. Петрушевского - за "поправление" после революции 1917 г., А.Н. Савина - за борьбу с марксизмом, эти медиевисты писали лишь о научных традициях, т.е. отрицали советскую науку. Не избежали обвинений в различных ошибках и космополитизме С.Д. Сказкин и Ф.А. Коган-Бернштейн, А.Д. Удальцов и Б.Т. Горянов, А.Д. Люблинская и Р.Ю. Виппер. Фактически это был весь круг московских медиевистов конца 40-х годов, те, кто успел опубликовать достаточное число работ, чтобы их можно было критиковать.

Относительно спокойную атмосферу обсуждения накалило выступление преподавателя кафедры Истории средних веков МГУ Ю.М. Сапрыкина, который резко раскритиковал работу кафедры, инкриминировав ее сотрудникам недостаточно активное участие в идеологической борьбе. "Политическая" активность медиевистов действительно оставляла желать лучшего. Доклад о "философской дискуссии" на кафедре был строго академичным и состоялся намного позже пика событий, так что обсуждать уже было особенно нечего. Только кафедра Истории средних веков сумела каким-то образом избежать обсуждения итогов сессии ВАСХНИЛ, равно как и "25-летия со дня смерти Ленина" (!)⁸³

З.В. Удальцова резко осудила византинистов и А.И. Неусыхина за преклонение перед западной наукой. Пространное выступление Б.Ф. Поршнева было полностью посвящено характеристике космополитизма в трудах О.Л. Вайнштейна и в какой-то мере напоминало политический донос. Оценивая взгляды историка на Парижскую коммуны, российскую медиевистику и другие проблемы, он делал вывод о том, что вся кафедра Истории средних веков Ленинградского университета противопоставляет себя московским коллегам. Это "научное противопоставление" Б.Ф. Поршнев связал с "деятельностью ленинградских политиков, стремившихся противопоставить

деятельность ленинградской организации как политического центра Москве". Вопрос о закрытии Ленинградского отделения института истории уже стоял на повестке дня.

Тон последовавших за этим выступлений - М.М. Смирин, М.А. Алпатов, Е.В. Гутновой, несмотря на их критический пафос, все же оставался в заданных Е.А. Косминским рамках. За редкими исключениями выступавшие рассуждали в основном о космополитизме как таковом или о тех "ошибках", о которых уже писала пресса и о которых говорилось на предшествующих заседаниях. Но требуемый разгром все же состоялся: специалист по новой истории И.Д. Белкин взялся исправить "благодарный" тон заседания и весьма в этом преуспел, несмотря на то что уровень его эрудиции оставлял желать лучшего. А.И. Неусыхину он в ультимативной форме предложил "разоружиться", т.е. отказаться от своих взглядов на проблемы социально-экономического строя древних германцев. В противном случае историк не мог считаться советским ученым и преподавать в вузах. Е.А. Косминский был также в очередной раз уличен в немарксистской методологии и историографических ошибках. Выступивший затем аспирант Е.А. Косминского А.В. Старостин подверг критике труды византинистов и упрекнул Е.А. Косминского за плохое руководство медиевистами: "...нет единого фронта, нет устремленной борьбы по выполнению заданий советского народа, которому мы только и обязаны тем, что можем работать над проблемами истории средних веков".

Апогеем разгрома стало выступление одного из учеников А.И. Неусыхина, аспиранта В.В. Дорошенко. От имени молодых историков он выразил недоверие не только Е.А. Косминскому, но и всей профессуре старшего поколения. Но если академику упреки были высказаны в самой общей форме, то ошибки А.И. Неусыхина квалифицировались как политические: он был обвинен в незнании и искажении теории марксизма, равно как и нежелании применять ее на практике.

После этого Е.А. Косминский по просьбам своих сотрудников в очередной раз взял слово и попытался их защитить. Признав сложность политического момента, ответственность историков перед партией и государством и наличие космополитических ошибок у медиевистов, он, предвидя возможные последствия развернувшейся кампании, подчеркнул: "Самым худшим, мне кажется, было бы называть каждого, у кого имеются ошибки, агентом англо-американского империализма и выбрасывать его из своей среды. Я не вижу, по крайней мере в нашей среде, среде московских медиевистов, кто бы упорствовал в своих ошибках, кто бы отказывался сделать надлежащие выводы из тех упреков, которые ему были справедливо сделаны. Но, может быть, некоторые

находили те обвинения, которые были против них направлены, ошибочными, в таком случае их право безусловно защищаться, потому что *не всегда прав тот, кто нападает*" (курсив мой. - Л.Ш.). Право отстаивать свою научную правоту и доброе имя Е.А. Косминский считал очень важным для ученого, а потому говорил о необходимости, "когда мы чувствуем себя правыми, - защищаться, потому что большая ошибка оставлять неправильное обвинение неопровергнутым"⁸⁴.

Когда критика была закончена и наступила очередь профессуры на нее отвечать, то все ученые в той или иной степени отказались признать то, в чем не считали себя виновными. Это были разные по смелости выступления - более покаянные (В.М. Лавровский, М.А. Барг), "боевито"-самокритичные (С.Д. Сказкин), полные чувства собственного достоинства в признании ошибок (Ф.А. Коган-Бернштейн), но особенно ярко выступили "старики" - А.И. Неусыхин и Е.А. Косминский.

А.И. Неусыхин закончил свою речь под аплодисменты, что, несомненно, ободрило "обвиняемых". Неординарность речи ученого и уверенность в своей правоте позволили переломить настрой заседавших на разгром. Не позволив себе ни одного замечания в адрес предавшего его ученика, А.И. Неусыхин аргументированно отверг все обвинения в космополитизме, доказав абсурдность многих из них. Е.А. Косминский тоже отвел от себя большинство обвинений, признав лишь одно - плохое руководство сектором и кафедрой, где не велось интенсивного изучения марксизма-ленинизма и не обсуждались теоретико-методологические проблемы. Судя по тону выступления, историк действительно чувствовал за собой вину в том, что не смог предвидеть всю эту критику и вовремя защитить коллег и себя. Он был готов уйти со всех постов, но не отказаться от права на отстаивание своей научной правоты и доброго имени.

Ответы-оправдания подвергшихся критике историков были признаны партийной организацией неудовлетворительными, о чем и заявила в конце заседания Н.А. Сидорова. Это означало, что критика и обязательные покаянные выступления будут продолжены.

Тем временем дело космополитов-медиевистов разрасталось. Бдительные партийные товарищи поняли, что часть студентов и аспирантов склонны поддержать своих опальных профессоров. Аплодисменты студентов, которые последовали за выступлением А.И. Неусыхина, были охарактеризованы как "антипатриотическая, антипартийная манифестация", и университетской парторганизации было поручено заняться этим вопросом.

Медиевистам дали отчетливо понять, что им больше не удастся скрывать свою аполитичность и объективизм "за веками и граница-

ми". Кампания против "буржуазного космополитизма" окончательно разрушила надежду историков на свободное творчество и поколебала уверенность в преемственности традиций научной этики и человеческой порядочности. Казавшийся единым коллектив ученых был подвергнут тяжелому испытанию "критикой и самокритикой", которое ему уже было не дано выдержать.

На очередном заседании Ученого совета института академик Е.А. Косминский был назван в числе "провинившихся в космополитизме", но обязательного в подобных случаях покаяния от него не дождался. "Достойно сожаления, что академик Косминский в своем выступлении ничего не сказал ни о своих ошибках, ни о тех мероприятиях, которые он как руководитель сектора предполагает провести для развития большевистской критики и самокритики в целях улучшения работы сектора", - констатировала официальная пресса⁸⁵.

Теперь уже не представляется возможным узнать, что руководило тогда ученым - чувство собственного достоинства, не давшее ему опуститься до бесполезных и унижительных оправданий, или безмерная усталость, ощущение безнадежности любых объяснений. Так или иначе, но в своем итоговом решении Ученый совет Института истории АН СССР еще раз осудил проявления буржуазного космополитизма и объективистские ошибки, допущенные рядом историков, в том числе Е.А. Косминским.

В те же дни медиевисту предстояло другое испытание - параллельно с собраниями в Институте истории шли собрания в МГУ. Из медиевистов основной критике подверглись А.И. Неусыхин, В.М. Лавровский, Ф.А. Коган-Бернштейн и 90-летний Р.Ю. Виппер, которых обвинили в буржуазном объективизме. Заведующего кафедрой причислили к их "пособникам". В ходе этих заседаний Е.А. Косминский пытался защищать коллег, но все было заранее предрешено - троих из них уволили.

Весной 1949 г. статьи с критикой трудов медиевиста появились в газете "Культура и жизнь" и журнале "Вопросы истории", членом редколлегии которого Е.А. Косминский был с 1945 г. В итоге пересмотра состава редколлегии журнала, осуществленного под контролем и с согласия ЦК ВКП(б)⁸⁶, историк был оттуда исключен. Он попросил об отставке с поста заведующего кафедрой МГУ, разочаровавшись в университете, студентах и коллегах. Из воспоминаний близко знавших Е.А. Косминского людей следует, что после 1949 г. он очень изменился - был подавлен, "ушел в себя". К новому, 1950 г. Е.А. Косминский пожелал самому себе "сохранить хоть некоторый остаток тающих сил для того, чтобы быть хоть немножко полезным своим товарищам и друзьям и продолжать совместную работу с ними"⁸⁷.

Несправедливая критика, явная и скрытая, которой подвергся историк, стала причиной его болезни и отсутствия моральных сил для реализации намеченных научных исследований. Спустя почти десять лет, в 1958 г., он собрал все подготовленные материалы и наброски по социально-экономической истории Англии в отдельную папку и написал на обложке: «Здесь часть моих заметок, планов, стенограмм, связанных с замышлявшейся книгой "История Англии в XI-XV вв." Пришлось бросить; то, что есть, к печати не годится. Не уничтожаю, хотя и не надеюсь вернуться. Сакраментальное воспоминание»⁸⁸.

¹ Особенно эта тенденция к объективной оценке трудов отечественных историков и самых трагичных или негативных эпизодов их жизни заметна в изд. "Портреты историков: Время и судьбы. Т. 2: Всеобщая история" (М.; Иерусалим, 2000); см. также: *КагЫлан А.* Соулеп ЭшсНез оп Ме<Неуал ^езлепг Еигоре: а Впег Зигуеу // 5ресилит. 1982. 57 (1). Р. 1-19; *Кап А.* Соулеп Нl\$1опо\$гарбу ог [Ъе \Ve\$1 Шёег ЗтПп'з Ргеу/аг ЭюгаЮгвЫр // 5юпа сlella 51опо\$гаЛа. 1992. Уол. 21. Р. 45-63.

² См.: *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945-1953. М., 2000; *Везтенну Уи.* Ам\$из1 1991 аз Сееп Бу мозсоу ШзЮпап, ог тЪе Pale о? МесНеуал ЭшсПез т lЪе Соулеп Ега // Атепсап Н151опсап Кеулеу. Лиле 1992. Р. 803-816; *Поляков ЮЛ.* Историческая наука: Люди и проблемы. М., 1999; *Некрин А.М.* Отрешись от страха: воспоминания историка. Лондон, 1976; *Яхневич Н.* Институт мировой литературы в 1930-1970-е годы // Память. Париж, 1980. Вып. 3. С. 83-162.

³ См.: *Гутнова Е.В.* Пережитое. М., 2001; Письма Е.А. Косминского Е.В. Гутновой (1941-1959) / Предисл. и коммент. *АЛ. Сванидзе* // Новая и новейшая история. 2002. № 1. С. 113-129.

⁴ См.: *Гутнова Е.В.* Евгений Алексеевич Косминский // Портреты историков... С. 176; *Она же.* Пережитое; *Казанович Б.С.* Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995.

⁵ Со слов Е.В. Гутновой, воспоминания Е.А. Косминского о революции 1905 г. в Москве были следующие: "Был я там на митинге. Митинг был в обоих дворах старого здания университета на Моховой. Потом приехала полиция, окружила это место. Я там пробыл несколько часов, потом мне это надоело и я задним ходом ушел" (Архив автора). Впрочем, другого ученика Д.М. Петрушевского, Б.Д. Грекова, тоже не заинтересовали студенческие волнения 1905 г.: "Сегодня объявление от Центрального комитета студентов о забастовке... - писал он учителю 6 октября 1905 г. - Во всяком случае, если даже закроют университет, буду заниматься в Румянцевской библиотеке и время использую" (Архив РАН. Ф. 493. Оп. 3. Д. 51. Л. 1 об.).

⁶ Из выступления Е.А. Косминского на юбилейном заседании кафедры Истории средних веков МГУ 24 мая 1944 г. (Архив РАН. Ф. 1514. Оп. 1. Д. 114. Л. 4).

- ⁷ Р.Ю. Вилпер в воспоминаниях о Д.М. Петрушевском писал: "Без университета, без аудитории, без круга внимающих и спорящих с ним учеников он не мог жить. И тут я как нельзя более схожусь с другом своим. Без постоянного общения со студентами, без заботы об участи своих учеников, без непрерывной передачи наших знаний, исследований... и открытий нашей науки мы оба... не можем существовать. Университет - это была необходимая атмосфера для функционирования наших талантов. Университет - это та среда, к которой нас влекло всеми силами нашего ума и воли. Удаленные из этой среды, мы сразу должны были почувствовать оскудение нашей умственной и моральной жизни. Это для нас означало начало умирания" // Средние века. М., 1946. Т. 2. С. 32.
- ⁸ *Косминский Е.А.* Средние века и новое время // Общественные науки в СССР, 1917-1927. М., 1927. С. 107-115.
- ⁹ См.: Диспут о книге Д.М. Петрушевского: О некоторых предрассудках и суевериях в исторической науке // Историк-марксист. 1928. № 8. С. 79-128.
- ¹⁰ Профессиональный взгляд на новый язык см.: *Селищев А.М.* Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком последних лет (1917-1926). М., 1927.
- ¹¹ *Покровский М.Н.* Речь на десятилетия ИКП // Под знаменем марксизма. 1932. №3/4. С. 159.
- ¹² Историческое образование на новом этапе // Борьба классов. 1934. № 5/6. С. 2.
- ¹³ См.: Основные проблемы генезиса и развития феодального общества. Пленум Г А ИМ К 20-22 июня 1933 г. М., 1934.
- ¹⁴ К изучению истории. М., 1937. С. 25. О дальнейшей разработке периодизации новой истории см.: Историк-марксист. 1935. Т. 4. С. 87-107.
- ¹⁵ См.: *Шарова А.В.* Кривые зеркала, или Как предвидеть прорицание // Новый ист. вестник. 2001. № 2. С. 84-106.
- ¹⁶ О перспективном плане в области исторической науки // Ист. журнал. 1945. № 3. С. 60-76.
- ¹⁷ Там же. Д. 97. Л. 1 об.
- ¹⁸ Большевик. 1946. № 3. С. 10.
- ¹⁹ Там же. 1945. № 17/18. С. 7.
- ²⁰ Научный архив Института российской истории РАН. (Далее: НА ИРИ). Ф. 1. Д. 257. Л. 69.
- ²¹ Архив РАН. Ф. 1514. Оп. 1. Д. 32. Л. 1.
- ²² НА ИРИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 286. Л. 7-8 об.
- ²³ Там же. Д. 21. Л. 99.
- ²⁴ Там же. Д. 17. Л. 100; Историк-марксист. 1840. Т. 82, кн. 6. С. 63-68.
- ²⁵ НА ИРИ. Д. 90. Л. 27.
- ²⁶ *Вавилов С.И.* Политические и научные знания в массы! // Культура и жизнь. 1948. 31 янв.
- ²⁷ НА ИРИ. Д. 336. Л. 9; Д. 337. Л. 2; Д. 811. Л. 57.
- ²⁸ Что касается повестки общих собраний сотрудников Института истории в 1949 г., то она была следующей: итоги 1948 г. и задача производственного плана 1949 г.; о борьбе с буржуазным космополитизмом; выдвижение кандидатов в народные заседатели и об участии коллектива в избира-

- тельной кампании в народные заседатели; о подписке на четвертый заем восстановления народного хозяйства; обсуждение письма рабочих, работников и служащих г. Москвы т. Сталину; о решениях 10 съезда профсоюзов // НА ИРИ. Д. 492в. Л. 3-25.
- ²⁹ **Косминский Е.А.** Идеино-политическое воспитание на уроках истории средних веков // Сов. педагогика. 1947. № 5. С. 3-15.
- ³⁰ НА ИРИ. Д. 337. Л. 37-38 об.
- ³¹ "Ошибками" Г.Ф. Александрова среди прочих были названы: взгляд на историю философии как на смену одной философской школы другой, акцент на связи марксистской философии с предшествующим ей развитием науки, оставленные без внимания в курсе западноевропейской философии труды российских философов. Но более всего критиков задела слова Н.Г. Чернышевского, которого цитировал автор: "К чести основателей современной науки должно сказать, что они с уважением и почти сыновнею любовью смотрят на своих предшественников, вполне признают величие их гения и благородный характер их учения, в котором показывают зародыш собственных воззрений" (см.: **Жданов А.А.** Выступление на дискуссии по книге Г.Ф. Александрова "История западноевропейской философии". М., 1952).
- ³² Цитируется отчет Института истории за 1947 г. (НА ИРИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 311. Л. 1).
- ³³ Май 1944 г., Москва. 1-я сессия по византиноведению Отделения истории и философии АН СССР. Среди докладчиков - Е.А. Косминский "Византия и Запад". Апрель 1945 г. Сессия, посвященная истории Византии и 100-летию со дня рождения Ф.И. Успенского. Доклад Е.А. Косминского "Советское византиноведение и его основные задачи". Октябрь 1946 г. 3-я сессия Отделения истории и философии АН, посвященная византиноведению. Вступительное слово об итогах работы группы по истории Византии Института истории АН СССР произнес Е.А. Косминский.
- ³⁴ См.: Византийский временник (ВВ). М., 1947. Т. 1 (26). С. 3-9.
- ³⁵ Архив РАН. Ф. 1514. Оп. 1. Д. 152. Л. 3.
- ³⁶ * НА ИРИ. Д. 338. Л. 17-30.
- ³⁷ См. переписку Е.А. Косминского и Д.М. Петрушевского // Архив РАН. Ф. 493. Оп. 3. Д. 109.
- ³⁸ Там же. Ф. 1514. Оп. 1. Д. 20. Л. 2.
- ³⁹ **Косминский Е.А.** Историография средних веков. М., 1963. С. 9.
- ⁴⁰ Вопр. истории. 1949. № 2. С. 3.
- ⁴¹ См.: **Косминский Е.А.** Исследования по аграрной истории Англии в XIII веке. М.; Л., 1947. О его творчестве также см.: **Гутнова Е.В.** Академик Евгений Алексеевич Косминский // Новая и новейшая история. 1992. № 2; **Барг М.А.** Е.А. Косминский как исследователь аграрной истории Англии // Средние века. 1973. Вып. 37.
- ⁴² Архив РАН. Ф. 493. Оп. 3. Д. 109. Л. 83.
- ⁴³ НА ИРИ. Д. 457. Л. 72 об.; см. также: **Полянский Ф.Я.** О русских буржуазных историках английской деревни // Вопр. истории. 1949. № 3.
- ⁴⁴ Вопр. истории. 1949. № 2. С. 5.
- ⁴⁵ См.: Постановление Ленинградского городского комитета ВКП(б) от 23 июля 1947 г. "О работе с научными кадрами в Институте востоковедения"

- ния и Ленинградском отделении Института истории АН СССР"; НА ИРИ. Д. 355. Л. 73-75.
- ⁴⁶ Там же. Д. 311. Л. 2.
- ⁴⁷ Там же. Д. 335. Л. 32.
- ⁴⁸ «Мы не говорим уже об ошибочных, подчас политически порочных книгах, выпущенных институтом истории... Назовем лишь "Византийский сборник" и сборник "Средние века" под редакцией Е.А. Косминского» (*Кротов А.* Примиренчество и самоуспокоенность // Лит. газета. 1948. 8 сент.).
- ⁴⁹ НА ИРИ. Д. 397. Л. 29-82.
- ⁵⁰ Подробнее об этом см. в замечательной работе: *OunHam V.* 1п 51аПп⁵ П1те: **М1мес1а88** Уалиез ш Буу1еГ РюПоп. **Б.**, 1990. Р. 3-19, 205-214.
- ⁵¹ Вольшевик. 1946. № 9. С. 5.
- ⁵² НА ИРИ. Д. 397. Л. 39.
- ⁵³ А.Я. Гуревич вспоминал, что "при всем мраке нашей науки конца 40-х годов еще кое-где теплились очаги научной мысли. Таким очагом была и кафедра медиевистики МГУ. Здесь преподавали Е.А. Косминский, Н.П. Грацианский, А.И. Неусыхин, С.Д. Сказкин, В.В. Стоклицкая-Терешкович, М.М. Смирин, В.Ф. Поршнева, В.М. Лавровский. То были личности и специалисты разного калибра, но мы... могли многому у них научиться. До печальной памяти погромов интеллигенции... именно эти ученые задавали тон на кафедре. Благодаря им сохранялись научные школы" (*Гуревич А.Я.* "Путь прямой, как Невский проспект", или Исповедь историка // *Одиссей*, 1992: Человек в истории. М., 1992. С. 11.
- ⁵⁴ НА ИРИ. Д. 395. Л. 81-87.
- ⁵⁵ См., напр.: *Гутнова Е.В.* Академик Евгений Алексеевич Косминский; *Гуревич А.Я.* Указ. соч.; *Каждан А.П.* Трудный путь в Византию // *Одиссей*, 1992. М., 1992; неопубликованные воспоминания В.М. Лавровского (Архив РАН. Ф. 1514. Оп. 2. Д. 76).
- ⁵⁶ *Валенский Ю.* Академик Е.А. Косминский и вопросы интерпретации истории средних веков в советской школе. Мюнхен, 1954. С. 67.
- ⁵⁷ НА ИРИ. Д. 395. Л. 124-125 об.
- ⁵⁸ СПб. филиал Архива РАН. Ф. 1036. Оп. 3. Д. 396. Л. 26.
- ⁵⁹ Архив РАН. Ф. 1514. Оп. 3. Д. 70. Л. 2.
- ⁶⁰ Византийский временник. М., 1950. Вып. 3. С. 47-61.
- ⁶¹ НА ИРИ. Д. 396. Л. 2-20.
- ⁶² Участники заседаний византинистов заметили, что когда Б.Т. Горянов охарактеризовал положительно все без исключения материалы второго выпуска "Временника" и сделал вывод о полной победе марксистского византиноведения, то такая необдуманная оценка привела к более острой критике, чем ожидалось вначале (Из письма З.В. Удальцовой Н.В. Пигулевской. СПб. филиал Архива РАН. Ф. 1036. Оп. 3. Д. 396. Л. 27).
- ⁶³ НА ИРИ. Д. 396. Л. 29.
- ⁶⁴ Там же. Л. 41-49.
- ⁶⁵ Там же. Л. 56-57.
- ⁶⁶ Там же. Л. 63.
- ⁶⁷ Архив РАН. Ф. 1514. Оп. 1. Д. 36. Л. 4-^2.
- ⁶⁸ Там же. Оп. 3. Д. 9. Л. 1.

- ⁶⁹ По мнению З.В. Удальцовой, автора одной из глав учебника, поскольку все использованные факты должны были быть подчинены основной идее – революции рабов, то для лучшего ее восприятия учебник следовало "разгрузить" от ненужной информации. Так, из истории Византии исчезли имена всех императоров, сведения о ересях и православной церкви (НА ИРИ. Д. 463. Л. 39, 52).
- ⁷⁰ Там же. Д. 458. Л. 113, 114.
- ⁷¹ О трагической судьбе другого интеллигента см.: **Белинков А.** Сдача и гибель советского интеллигента: Юрий Олеша. Мадрид, 1976.
- ⁷² НА ИРИ. Д. 462. Л. 24–27.
- ⁷³ Цит. по: **Валенский Ю.** Указ. соч. С. 84–85.
- ⁷⁴ Цит. изданиям, хранящимся в Нооуег 1п5Пшпоп Агсбьуз. Ыкоаеузкьу сол-1есПоп. В. 776. Р. 1.
- ⁷⁵ Ыа\
- ⁷⁶ Архив РАН. Ф. 1676. Оп. 1. Д. 220. Л. 1.
- ⁷⁷ **Яневич Н.** Институт мировой литературы в 1930–1970-е годы // Память. М., 1978. Вып. 3. С. 96–97.
- ⁷⁸ НА ИРИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 426. Л. 68.
- ⁷⁹ Среди них – старшие научные сотрудники Ф.О. Нотович, Л.И. Зубок, А.И. Андреев, младшие научные сотрудники – А.Н. Гуревич, А.П. Шелюбский.
- ⁸⁰ НА ИРИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 426. Л. 69; по другим данным, за 1949 г. из института были уволены 30 человек // Там же. Д. 426а. Л. 12.
- ⁸¹ С начала 1948 и до конца 1949 г. общее число научных сотрудников увеличилось с 147 до 162 человек, членов партии – с 41 % до 47 %, из них русских с 59 % до 71 %, число евреев сократилось с 36 % до 21 %. (Там же. Д. 26. Л. 70).
- ⁸² НА ИРИ. Д. 419. Л. 247.
- ⁸³ Там же. Д. 457. Л. 71.
- ⁸⁴ Там же. Д. 457. Л. 171–178.
- ⁸⁵ Вопр. истории. 1949. № 3. С. 152.
- ⁸⁶ «Редакционная коллегия в значительной мере состоит из людей, допустивших серьезные методологические ошибки и извращения в своих научных работах... Академик Косминский в своей работе "Исследование по аграрной истории Англии XIII века" и в статье "Д.М. Петрушевский", опубликованной в сборнике "Средние века"... ставит знак равенства между либерально-буржуазной и советской историографией, подменяет марксизм экономическим материализмом» // Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) – КПСС. 1922–1991/1922–1952. М., 2000. С. 405.
- ⁸⁷ Письма Е.А. Косминского... С. 126.
- ⁸⁸ Архив РАН. Ф. 1514. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.

Л.Я. Гуревич

КОММЕНТАРИЙ ОЧЕВИДЦА

Статья А.В. Шаровой не содержит характеристики Евгения Алексеевича Косминского, крупного историка-медиевиста, одного из классиков средневековой английской аграрной истории. Она посвящена другому - той до крайности напряженной и даже трагичной ситуации, в какую помимо своей воли в конце 30-х - начале 50-х годов оказался вовлеченным этот ученый. И в этом познавательная ценность очерка А.В. Шаровой. Мне не раз приходилось слышать, что нынешняя молодежь не проявляет никакого интереса к судьбам и поступкам отцов и дедов. К счастью, это не совсем так, а для кое-кого и совсем не так. История отечественной интеллигенции, в частности ученых-гуманитариев, в послеоктябрьский период еще не написана, и то, что есть молодые исследователи, пытающиеся по возможности восстановить хотя бы внешние контуры этой истории, заслуживает всяческой поддержки. Автором очерка был выбран ограниченный сюжет, а именно: потрясения, пережитые московскими медиевистами в упомянутый период. Сохранились протоколы и стенограммы заседаний, официальные материалы, частично опубликованные в те годы в периодической печати, и несмотря на всю ограниченность и односторонность сведений, в них содержащихся, можно, пусть пунктиром, воссоздать последовательность событий и атмосферу, в которой разворачивались идеологические и политические преследования ряда историков. Однако преимущество А.В. Шаровой и ее сверстников, заключающееся в том, что их тогда еще не было на свете, оборачивается в данном случае другой стороной: даже напрягая свое воображение, они едва ли в состоянии мысленно представить себе в высшей степени драматичное положение, в какое были поставлены жертвы устроенных тогда проработок "буржуазных объективистов" и "безродных космополитов".

Именно это обстоятельство побуждает меня вкратце прокомментировать статью Шаровой. Начиная с середины 40-х годов я явился свидетелем ряда разыгрывавшихся тогда акций. Ныне таких свидетелей осталось немного и, боюсь, кое-кто из них не склонен предаваться воспоминаниям. Более того, не много из уже опубликованного на сей счет правдиво и заслуживает доверия¹. Оказывается, иные мемуаристы пытаются исказить факты и представить участников печальных событий в ложном свете.

Я считаю себя не только вправе попытаться восстановить истинное положение дел, но и обязанным это сделать, в частности